

*Систематизированные наброски
«Гендерные исследования в России: от фрагментов
к критическому переосмыслению политических стратегий»¹*

Елена Кочкина

Этот текст изначально имел довольно амбициозные цели²: его теоретической задачей была попытка начать разрабатывать гендерную оценку происходящих в России реформ, а именно – обозначить существующие системные политические ограничения для политической стратегии гендерного равенства в России. При этом мне хотелось уйти и от количественных замеров, и от фрагментарных описаний и перевести обсуждение перспектив развития российских гендерных исследований (ГИ) в формат социологических теорий, обладающих объяснительной и прогностической характеристикой. Такой ракурс рассмотрения вопроса был выбран мной не случайно – его конечной целью, по моему предположению, должна была стать *практическая* потребность, которая и должна была проясниться по ходу решения вышеназванной *теоретической* задачи.

Для меня проблема состояла в отсутствии к данному моменту в российской и русскоязычной гуманитарной и общественной научной мысли³ объяснительных моделей 3-х типов:

- 1) произошедших политико-системных гендерных изменений в России за прошедшие 15 лет – то есть изменений в политической, экономической, социальной и культурной подсистемах общества;
- 2) оценки достижений женских инициатив (ЖИИ) в России;
- 3) анализа эффективности различных стратегий и тактик женских групп, независимого женского движения (ЖД).

Последние четыре года (2002-2006 гг.) некоторые гендерные институции – МЦГИ (рук. – Воронина О.А., д.ф.н., ХЦГИ и издающийся на его базе академический журнал «Гендерные исследования» (главный редактор – Жеребкина И.А., д.ф.н.), Гендерная программа Европейского университета в Санкт-Петербурге (рук. – Здравомыслова Е.А., к.с.н., Темкина А.А., PhD), Гендерная секция Российской ассоциации политических наук (рук. – Айвазова С.Г., д.п.н.), Ин-

ститут социальной и гендерной политики (Кочкина Е.В., к.п.н., Федорова Л.Н.), а также женская программа Фонда им. Генриха Бёлля (Кабанова Л.Н.) проводили специальные научные и общественные семинары, целью которых было осмысление 1) институционализации ГИ в России, 2) их социальной и политической востребованности и 3) вклада ГИ в развитие гражданских инициатив. Процессы осмысления ситуации ГИ в вышеназванном ракурсе происходят и в странах Средней/Центральной Азии (в частности, е-дискуссии «Центрально-Азиатской сети по гендерным исследованиям»)⁴.

Потребность в критическом анализе а) гендерных исследований, а значит, и б) политических стратегий женского движения в России занимала меня еще с 1996 г.⁵ При этом оценить наши общественно-политические действия как социальное движение я пыталась как продолжение той научной дискуссии, концепты которой были заданы работами лидеров российских гендерных исследований как минимум 25 лет назад⁶. Последние 18 лет к этой теме обращались представители разных интеллектуальных гендерных групп постсоветского пространства – Украины, Беларуси и других стран СНГ⁷. Из опубликованных работ последних лет в данном исследовании я опираюсь на статьи Посадской А.И.⁸; Ворониной О.А.; Здравомысловой Е.А. и Темкиной А.А.⁹; подборку «Трансформируя академию: проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР» в виде ответов на вопросы Жеребкиной И.А., Кона И.С., Пушкаревой Н.Л., Темкиной А.А. (журнал «Гендерные исследования» № 5, 2000); критический политический диагноз Айвазовой С.Г. о перспективах политики гендерного равенства в России¹⁰; новую монографию о проблемности теории гендерного равенства Ворониной О.А.¹¹; критические диагнозы в отношении либеральных стратегий и политической практики женских групп в работах Жеребкиной И.А.¹²; статью о гендерном и национальном символизме в процессе классовобразования в посткоммунизме Гаповой Е.И.¹³; размышления и комментарии участниц круглого стола «*Doing Gender* на русском поле» в журнале «Гендерные исследования» (№ 13, 2005).

Однако отличие моего исследования в ракурсе и методе состоит, как мне кажется, в том, что меня интересуют конкретные *политические* вопросы. Например, насколько ЖИ и ГИ различают *реальное* развитие госреформ и *риторику* госреформ? Как изменение государственной политики и риторики относительно гендерного равенства в России становится исследовательской проблемой? Как личные идентичности исследовательницы/ля и ее/его общественно-политический опыт задают метод проведения исследования? В чьих интересах делается исследование? Как заказчик исследования или инициатор исследования ограничивает метод? Как выбираются цели исследования – 1) поддерживают, воспроизводят и/или оправдывают или 2) критикуют ту или иную политическую практику? Как исследователь(ница) видит свою интеллектуаль-

ную миссию? Насколько исследователь(ница) заинтересован(а) в практическом применении результатов е(е)го интеллектуальной работы?

Предметом анализа я выбрала российскую гендерную политическую триаду: политическое пространство – независимое женское движение (ЖД) – гендерные исследования (ГИ). В этой стратегии анализа, очевидно, необходимо поочередно проверять 1) эффективность реакции/влияния (силу/слабость) каждого составного элемента триады и 2) другие взаимосвязи между ними. Однако в связи с тем, что исследование является постановочным, я ограничусь лишь предварительным рассмотрением составных частей этой триады и некоторых взаимоотношений между ними.

Методологически я ориентируюсь на концепцию политической социологии Дороти Стетсон (Государственный университет Флориды) и Эми Мазур (Вашингтонский университет)¹⁴, хотя и не использую весь введенный ими теоретический аппарат (в частности, различие таких понятий как «женское» или «феминистское» движение¹⁵). Дополнительно я обращаюсь к классификации политических теорий феминизма Брайсон В.¹⁶ и Джаггар А.¹⁷.

1. Генезис ГИ

Насколько российские гендерные исследования были изначально критичны и включали в себя самокритику? Для ответа на этот вопрос начну с не очень краткого экскурса в интеллектуальную историю развития ГИ в постсоветской России.

Появление гендерных исследований в недрах РАН СССР в 1989 г. было связано с *госзаказом Совмина СССР*, положившим начало *институциональной* деятельности лаборатории ЦГИ в ИСЭПН РАН в 1990 г. (директор Института – проф. Римашевская Н.М., руководитель лаборатории – к.э.н. Посадская А.И.). Важно помнить и то, что хотя этот академический институт действовал в экономическом секторе АН СССР, лаборатория была создана на междисциплинарной основе: ее сотрудниками стали социальные экономисты и демографы, социологи, философы, историки, политологи, психологи. Более того, с целью преодоления академической узости научной лабораторной работы на ее базе в 1990 году была создана общественная структура – Московский центр гендерных исследований (рук. – Посадская А.И., Лунякова Л.Г., Воронина О.А., Константинова В.Н., Хоткина З.А., Мезенцева Е.В., Здравомыслова-Стоюнина О.М., Малышева М.Г., Кочкина Е.В., Баскакова М.Е., Баллаева Е.А., Аругтюнян М.Ю. и несколько аффилированных членов – психолог Комисарова Т.А., программист Тройнова Т.Г., врач Зинченко Н.Г.), которая была зарегистрирована сначала в Моссовете в 1993 г., а потом в Минюсте РФ в 1998 г.

На мой взгляд, именно МЦГИ удалось аккумулировать имевшийся к тому моменту феминистский, женский и гендерный академический кадровый потенциал в России¹⁸.

Конец 80-х и начало 90-х годов – бурное время политических дебатов, демонстраций, клубов, обсуждавших выбор альтернатив реформы. В эпоху «гласности и демократизации» верилось, что разные социальные группы смогут артикулировать и идентифицировать свои политические интересы. Для общественных деятелей той поры было очевидным, что гетерогенное советское общество не может иметь единый и общий социально-политический интерес. Отсюда предполагалось, что новое устройство России должно осуществляться посредством сочетания и конкуренции разных социальных интересов. Однако данный проект предполагал несколько условий: во-первых, все социальные группы должны были иметь возможность выразить свое отношение к реформам, и, во-вторых, должен был существовать механизм их представления. Российская ситуация была более чем далека от достижения этих условий – даже достаточный набор теоретических концепций, в рамках которых каждая из социальных групп могла бы формулировать свою позицию, интересы и стратегию, только формировался.

Гендерные исследовательницы МЦГИ, кажется, единодушно разделяли тезис, сформулированный Посадской А.И.: социальный интерес, не сумевший осознать и выразить себя, будет ущемлен. По их мнению, в таком положении оказалось большинство женщин России в перестроечный и постперестроечный период¹⁹: «Женщины как социальная группа, на глазах терявшие свой политический статус, систему советской социальной протекционистской политики, оказывались политической гендерной группой»²⁰. На уровне политической сферы это проявилось в виде сокращения формального представительства женщин в законодательной власти и изменении социокультурного контекста. Чуть позже Посадская А.И. назовет этот феномен «постсоциалистическим патриархатным ренессансом»²¹. С лета 1990 г. лаборатория и МЦГИ занимались полевыми исследованиями (КАМАЗ, Набережные Челны, Таганрог и др.); на их базе проводились еженедельные научно-практические круглые столы, оргкомитеты I и II Независимых Форумов (1991, 1992 гг.); были запущены инновационные проекты по 10 направлениям (включая и проведение первых летних школ в регионах РФ в 1996 и 1998 гг.)²². Целью было создание и расширение общественного, научного и образовательного гендерного пространства.

Как эффект этой деятельности, как «грибницы», по выражению Хоткиной З.А.²³, разрастались и другие Центры гендерных исследований. Разумеется, были исследовательницы и активистские группы, которые начинали свою деятельность 1) как диссидентскую (Петербургский Центр гендерных проблем, рук. – Липовская О.Г.), 2) в рамках творческих союзов (Союз женщин-кинемаграфистов, Союза писателей и пр.), 3) как галерейную, выставочную (группа

художниц вокруг Сандомирской И., Каменецкой Н.), 4) в рамках женсоветов горбачевского призыва (в том числе и в вузах – например, в МГУ им. М.В. Ломоносова). Но при развитии независимых женских инициатив последующее их организационное оформление на каком-то этапе неизбежно выходило к пересечению с инициативами МЦГИ. Так возникало общее поле – общественное и исследовательское.

Независимо от истории своего возникновения каждая из этих групп создавала собственные, на мой взгляд, интеллектуальные продукты²⁴. Кроме того, несмотря на то, что все проекты имели собственные общественно-политические истории²⁵, в то же время происходило, на мой взгляд, некоторое сетевое смыкание их вокруг МЦГИ, а позже – вокруг еще двух организаций: ХЦГИ и Гендерной программы Европейского университета в Санкт-Петербурге. При этом происходил этот процесс без уточнения идеологических различий в политических концепциях. С другой стороны, в это же время активно формировалась «феминологическая» сеть вокруг Ивановского государственного университета. Именно здесь мы можем говорить о первом принципиальном политическом водоразделе в бывшем СССР между сетью ГИ и феминологическими исследованиями: если ГИ занимали критические политические позиции в отношении ситуации дискриминации по признаку пола во всех сферах общества, то феминологи скорее ограничивали себя объективной констатацией «половых различий» и воздерживались от критики власти и направления реформ²⁶.

Стратегия неиерархической сетевой экспансии в развитии ГИ дала, на мой взгляд, хорошие количественные результаты в России: в настоящий момент в более чем 100 вузах читаются курсы по ГИ, в 40 вузах существуют структурные подразделения в виде программ и вузовских центров гендерных исследований, в девяти академических институтах РАН работают лаборатории и группы гендерных исследований, 15 гендерных центров осуществляют свою деятельность как НПО²⁷. В справочник гендерных исследовательниц и исследователей, который был составлен Хоткиной З.А. в 2000 г. по итогам проведения летних школ МЦГИ, было включено 220 российских исследователей²⁸. Только за 2002-2004 гг. защищено более 350 диссертаций по гендерной тематике (в рамках гуманитарных и общественных дисциплин. Исключение пока составляет «юриспруденция»)²⁹. Уже на 2004 г. группа российских исследователей, по базе данных Женской сетевой программы ИОО-Россия, включала 500 исследователей³⁰.

Таким образом, имеется довольно много количественных свидетельств об успешности проекта интеграции гендерных исследований в академическую и образовательную систему в России. Только на этой основе, на мой взгляд, возможно теперь и расходиться во мнениях, и обсуждать степень успешности и качество коллективного проекта ГИ и т.д. Очевидно, что российское сообщество гендерных исследователей с необходимостью должно разделяться во мне-

ниях по разным вопросам – например, должны ли прикладные исследования базироваться на фундаментальных? Или в какой момент эмпирические исследования по заказу общественных инициатив, женских групп, вузов, доноров, бизнеса, государства утрачивают гендерную методологию и т.п.? Однако меня в этих возможных дискуссиях в первую очередь интересует политическая востребованность гендерных исследований со стороны женских групп, государства, международных организаций и иных политических субъектов, то есть политическая ангажированность и/или тип политической дистанции³¹, их вклад в формирование политической повестки женского движения в их городах, регионах и на федеральном уровне, их влияние на политическую мобилизацию женских групп, когнитивная деятельность в интересах женского движения и экспертная продуктивность.

2. Фрагменты гендерных концепций «переходного периода»

Гендерный «переходный период» в России выглядит фрагментарно и эмпирико-описательно³², хотя и содержит элементы попыток применения западных теорий и концептов³³.

Отчасти это связано с тем, что сам гендерный научный сегмент весьма невелик³⁴. В какой-то мере это объясняется и новизной гендерной методологии – многие российские исследовательницы продолжают заниматься освоением западных источников и их трансляцией в образовательные или исследовательские проекты³⁵, и лишь незначительная часть изначально была ориентирована на процесс принятия политических решений³⁶.

Однако с уверенностью можно констатировать тот факт, что в общей массе российских ГИ преобладают эмпирические исследования (около 3000³⁷). В данный показатель включены исследования по пяти дисциплинам – социология, экономические и политические науки, международные отношения, право и культурология. С точки зрения социологии науки³⁸, это неизбежный этап становления научной школы. В такой же ситуации находятся и другие постсоветские социальные науки³⁹. В то же время по критерию развития гендерных исследований как 1) когнитивной практики современного политического женского движения («стратегия ЖД») или 2) теории общественных изменений приходится констатировать, что произведенное на русском языке знание пока не может быть основанием для стратегий социальных изменений в бывшем СССР.

2.1. Концептуальные рамки

Какие типы западных теорий используем мы применительно к ситуации гендерных отношений и систем в современной России?

На мой взгляд, среди российских исследователей утвердился и доминирует конструктивистский подход (социологические науки), неоинституционализм (экономические науки)⁴⁰, концепции представительной демократии (политические науки), нормативистский подход толкования международного и конституционного права (юриспруденция)⁴¹ и дискурсивный анализ (политическая постмодернистская философия и социология).

В чем же, на мой взгляд, заключаются проблемы использования российскими учеными данных теоретических подходов?

Социологические исследования доказывают гендерное неравенство и его воспроизводство в отдельных подсистемах, процессах, типах общественных отношений. Здесь пока лучше исследован советский период (а именно – в статье Здравомысловой Е.А., Темкиной А.А. «Советский этакратический гендерный порядок» (2003)⁴², которые применяют понятие «гендерный порядок» (со ссылкой на работу С. Ашвин) и «этакратическая система» (Шкаратан О.И., Радаев В.В.)). Предметом анализа является исследование роли государства на уровне институционального и дискурсивного регулирования гендерного порядка. Как указывают Здравомыслова Е.А. и Темкина А.А., используемые ими понятия «гендерный порядок», «гендерный уклад», «гендерная композиция» теоретически связаны с сочетанием структурного и конструктивистского подходов в социологии (Бурдье П., Гидденс Э.)⁴³. Этот подход позволяет проводить анализ ситуаций, при которых социальные действия и структурные условия находятся в состоянии взаимовлияния. Однако пока эта методология не была применена к «переходному периоду» в России. При этом наиболее важным представляется описанный авторами подход, учитывающий эффективность деятельности новых агентов общественных изменений (в нашем случае – ЖИИ и ЖД) по изменению государственной политики, политического и гендерного режима: «на основе неомарксизма развилось обновленное понимание индивида как стратегически действующего агента»⁴⁴. Действительно, в зарубежной социологии предметом анализа сегодня становятся индивидуальные и групповые стратегии, то есть социальные действия агентов по изменению условий. Это, на мой взгляд, и есть тот подход, на основе которого возможен анализ достижений ЖД в постсоветской России – учитывая при этом, что мы как формирующееся научное сообщество накопили внушительное число эмпирических исследований и обладаем хоть и фрагментарными, но в какой-то степени вполне достоверными данными.

В *экономических науках* Мезенцева Е. описала существующие западные методологические подходы⁴⁵. Однако большая часть российских экономических исследований⁴⁶ сделаны на эмпирическом уровне, диагностирующем дискриминацию в занятости, безработице, заработной плате, руководстве предприятиями, стратегиях домохозяйств и пр. На мой взгляд, ближе всего к обоснованию политической обусловленности экономических процессов подошли Ржаницына Л.С. в анализе бюджетного процесса⁴⁷, Овчарова Л.Н. и Прокофьева Л.М.⁴⁸ в исследовании структурных причин феминизации бедности, Баскакова М.Е.⁴⁹ в анализе экономической отдачи семейных вкладов в высшее образование детей. Но в целом российские экономические исследования не поднялись до теоретических обобщений трансформации экономических отношений в терминах современной феминистской экономической теории. Работа Римашевской Н.М. «Гендер и макроэкономика: теоретические аспекты»⁵⁰ частично продвигает и расширяет объяснительные модели, благодаря которым можно поставить гендерный социально-экономический диагноз «переходному периоду»: она включает в рассмотрение социальные институты, затраты нации на воспроизводство и роль гендерных отношений в экономической политике. Но и в этой работе не исследуются факторы и причины, известные из западного феминистского анализа. В частности, не рассматривается связь между демографической, социально-экономической политикой и финансовой политикой, промышленными политиками, политикой приватизации и пр.⁵¹

Политологические исследования пока, на мой взгляд, также носят описательный и нормативистский характер (часто выводы строятся на установлении факта соответствия эмпирических данных в сравнении с неким идеалом «демократических ценностей»)⁵². ГИ в этой дисциплине исследуют преимущественно результаты выборов на разных уровнях власти и разных ветвей власти, анализ избирательной реформы⁵³. Попытки применения институциональной политической теории дают, на мой взгляд, негативные научные результаты⁵⁴. Исключением являются: 1) работа Зубаревич Н.В. о связи между представленностью женщин в региональных органах законодательной власти, экономическим развитием и консолидацией экономических интересов (корпоративных групп и их слияния с властью) в регионах России⁵⁵, 2) работы Айвазовой С.Г. и Кертмана Г.Л.⁵⁶ о росте гендерного разрыва в электоральных предпочтениях в 1999-2004 гг. и 3) работа Айвазовой С.Г. с теоретическим обобщением противоречий современного российского политического режима, которому свойственны две противоположные тенденции 1) авторитаризма правящей группы и 2) эгалитаризма как расширяющейся практики повседневности в России⁵⁷.

Правовой анализ также носит описательный характер: теория феминистской юриспруденции фактически не развита; западные юридические теории и понятия не применяются – за исключением нормативистских отсылок к нормам международного права (которое при этом почти не применяется в судеб-

ной практике в России)⁵⁸. Оценки характера действующего законодательства расходятся до противоположностей: одни исследователи настаивают на концепции «равных прав», другие путаются в «концепции равных возможностей» и ее связностью с принципами «позитивной дискриминации». Моя точка зрения по этому поводу состоит в том, что я считаю, что настолько, насколько действующая система права не выполняет регулируемую функцию по обеспечению равенства, она является системой дискриминации женщин⁵⁹. Другие критические, но в значительно меньшей мере, диагнозы выдают Американская ассоциация юристов⁶⁰ и Всемирный банк⁶¹.

В сфере анализа госполитики сделано довольно много как в концептуализации методологических подходов, так и в накоплении диагностики отдельных типов госполитики. Но полученные авторами выводы позволяют лишь диагностировать дискриминационные практики и не дают целостной картины взаимосвязи разных типов политик. Моя собственная позиция по этому поводу изложена в сборнике «Гендерная экспертиза и законодательная политика»⁶² на основе опыта практической политики продвижения ряда поправок и законопроектов. В этой работе обобщен опыт проведения гендерной экспертизы большой группы авторов – преимущественно моих коллег по МЦГИ за предыдущие 12 лет в России. В ней выделены следующие типы гендерного анализа в соответствии со сферами общественных отношений: а) правовой анализ, б) политический анализ процессов и политико-институциональный анализ, в) финансовый анализ, г) социально-экономический анализ правоприменения как одного из видов социальных норм, д) социологический анализ гендерного неравенства. В этом же ключе проводит гендерный анализ госполитик и Баллаева Е.А.⁶³, выделяя в них три крупные подсистемы отношений – политическую, социально-экономическую и социокультурную. Ограничения работ этого блока также, на мой взгляд, связаны с эмпирическим уровнем исследований, хотя именно сейчас теоретическая необходимость в промысливании этих феноменов становится особенно актуальной.

Обращение к *постмодернистским методологиям*⁶⁴ в реальном политическом контексте активно переводится сегодня в область образовательной и культурной политики, что дает очень продуктивную тактику в долгосрочной и среднесрочной перспективе. Мне в этом контексте очень понравилась лаконичная формулировка Бранд Г.А.⁶⁵ о том, что одной из целей ГИ является разрешение проблемы половой идентичности как продукта власти⁶⁶. В этом контексте постмодернистские исследования поддерживают, на мой взгляд, политические позиции анархизма в лучшем понимании этого слова. Я понимаю под «здоровым анархизмом» практики сопротивления на индивидуальном уровне (внутриличностном, межличностном – в семье и на рабочем месте и т.п.); это, на мой взгляд, почва для профессиональной критики манипулятивности современного политического режима. Без подобной политической позиции невоз-

можны арт-, и академическая дистанция, культурные политические интервенции. В то же время, на мой взгляд, анархизм редко выливается в акции политического протеста⁶⁷.

Различия между российскими ГИ и логикой развития западных ГИ обусловлены политико-идеологической историей их возникновения⁶⁸.

Я не вполне разделяю мнение тех исследователей, которые, не разу не написав ни одного политического воззвания и не сделав ни одного экспертного заключения для какого-либо политического органа, не организовав ни одной акции протеста, считают, что в России дискурс ГИ недостаточно критичен. На мой взгляд, с критикой процессов (социальных, культурных, политических, экономических) все в порядке. Однако я считаю, что политическая продуктивность этой критики невелика.

Основной тезис, ради которого задумывалась данная статья, состоит в том, что в силу разных интеллектуально-политических обстоятельств среди российских исследований почти нет тех, которые выросли из марксизма и социалистического феминизма⁶⁹ с их теориями миросистемы, «социального производства/воспроизводства», дуальной системы, учением о природе социального конфликта и пр.⁷⁰ К обстоятельствам, которые не способствовали появлению неомарксистских теорий в постсоветском контексте, я бы отнесла в первую очередь три крупных социальных процесса. Во-первых, это тот социокультурный процесс, которому Посадская А.И. еще в 1991 г. дала название «постсоциалистического патриархатного ренессанса». Во-вторых, это общее направление развития неолиберального интеллектуального климата в России, на которое в свое время указали Здравомыслова Е.А. и Темкина А.А.⁷¹ В-третьих, это либеральный дискурс (права женщин) донорского западного сообщества. Парадоксальность этой ситуации состоит в том, что начало ГИ в 1989 году положили работы сотрудниц лаборатории гендерных исследований ИСЭПН РАН, которые как раз работали с концепциями феминистского экономического анализа (диссертация по женской занятости Посадской А.И.), неомарксизма франкфуртской школы и постмодернизма (работы Клименковой Т.А.). К этой традиции относится революционная и легендарная статья Римашевской Н.М., Посадской А.И., Захаровой Н.К. «Как мы решаем женский вопрос» в журнале ЦК КПСС «Коммунизм» в 1989 году⁷². Напомню, что их анализ советского опыта и типологизация госполитик построена на выделении четырех подходов – патриархатный, экономический, демографический, эгалитарный. В основание выделения каждого подхода были положены разные принципы обоснования проведения госполитики – субординация по признаку пола (патриархатность-эгалитарность политик), потребности нации (в женской рабочей силе – экономическая политика, в рождении детей – демографическая). В предложенной авторами методологии не доставало, пожалуй, теории международной зависимости из теорий международных отношений.

Подобный концептуальный изъян вызывает у меня в 2007 году чувство досады: ведь для российских гендерных исследований в период структурной перестройки именно системные теории (политэкономика, социально-стратификационный анализ, теории политических режимов и их связь с социально-политическим представительством разных интересов) могли бы стать концептуально продуктивными и предложить обоснованные объяснительные модели. В гендерно-нейтральном ключе этот анализ в русскоязычных исследованиях уже сделан (например, работы Римашевской Н.М., Шкаратана О.И., Тихоновой Н.Е.⁷³, Крыштановской О.В. и др.).

За небольшим исключением⁷⁴ в среде русскоязычных гендерных исследователей макросоциологический анализ реформ в России не применяется. Работами, в которых последовательно применяются неомарксистские и социалистические феминистские наработки, на мой взгляд, являются работы украинской исследовательницы Журженко Т.Ю. (монография «Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине» 2001 года и ряд статей⁷⁵) и белорусской исследовательницы Гаповой Е.И. («О гендере, нации и классе в посткоммунизме», «Гендерные исследования», 2005, № 13) на родном для них украинском и белорусском материале. В частности, Журженко Т.Ю. обосновывает концепцию патриархата как систему эксплуатации в сфере репродуктивного воспроизводства и деконструирует идеологию дискурса рынка как ключевого элемента постсоветской идеологии, показывая, как либеральная парадигма «рыночного освобождения» и потребления стала частью той идеологии, которая обеспечила политико-культурное прикрытие для перераспределения власти и государственной собственности. В этом контексте Журженко выделяет направления трансформации гендерных контрактов – от доминирующего контракта «работающей матери» к моделям «домохозяйки» и «деловой женщины». Также базируясь на методологии неомарксистского и социалистического феминизма, Гапова Е.И. доказывает, что создание независимых национальных государств стало той формой, которая позволила легитимировать классообразование в бывшем СССР, представив весь процесс как «освобождение народов». Автор формулирует четыре основных тезиса: 1) в 90-е годы произошло высвобождение правящего протокласса; 2) процесс замещения статусного неравенства экономическим нуждался в своей легитимации; 3) функцию легитимации захвата протоклассом государственной власти выполнила идеология национализма и демократический нарратив; 4) национальная идея обеспечила появление «нового» образа врага и позволила сплотить нацию в ее стремлении к самоопределению. Основной ценностью работ Гаповой Е.И. по сравнению с другими постсоветскими исследованиями является 1) анализ гендерных механизмов классообразования и 2) тезис о том, что концептуальное понимание связи между классообразованием посредством облекания его в национальное самоопределение и многомерную гендерную символическую дифференциацию

«важно для понимания причин слабости постсоветского женского движения, действующего в рамках «других» политико-социальных проектов».

Геополитика и экономическая глобализация. Еще одним неисследованным феноменом российской действительности являются гендерные аспекты геополитических процессов и глобализации – экономической, политической, культурной. Я имею в виду феминистскую критику теорий международных экономических и политических отношений и обсуждение содержания и тактики женских инициатив в отношении к МФИ (международным финансовым институтам – Международный валютный фонд, Всемирный банк и ВТО) и ТНК (транснациональные корпорации) как ключевым акторам политико-экономической глобализации. Попытки анализа международной политики предпринимались: женские группы в России использовали в своей работе как и интегративные⁷⁶, так и альтерглобалистские⁷⁷ модели в виде участия в международных акциях, семинарах⁷⁸, выпуске как минимум двух монографий⁷⁹, обзорных статьях⁸⁰. Проблеме глобализации был также посвящен спецвыпуск журнала «Гендерные исследования» в 2002 г. (№ 7-8). Однако участие в международных акциях оказалось не связанным с работой на национальном уровне, в то время как российские профсоюзные, студенческие, экологические альтерглобалистские движения активно участвуют в акциях протеста⁸¹, проводят общественную экспертную дискуссию по вопросам глобализации и вступлению в ВТО⁸².

Что касается теоретических работ *по проблемам безопасности*, то благодаря российским исследователям⁸³ и новым переводам⁸⁴ они описаны довольно полно. Однако аутентичного анализа российской проблематики в терминах концепций изменения советского и постсоветского пространства, противоречия концепций национальной безопасности в постсоветских государствах (или критики этой государственной концепции) также, на мой взгляд, пока нет. Частично это связано с политически неопределенной позицией самих участниц и отсутствием стратегического самоопределения⁸⁵. (Постановочные вопросы о национальном самоопределении гендерных исследовательниц можно найти в небольшой статье казахстанской исследовательницы Шакировой С.М.⁸⁶)

Нынешнему довольно активному и конфронтационному этапу российской внешней политики предшествовал неопределенный период (между серединой 90-х и до декабря 2003 года), когда внешняя политика Кремля фактически отсутствовала, а потом прошла этап выжидания. В результате вне феминистских/гендерных интерпретаций остаются очень важные постсоветские феномены – например, использование гендерно-маркированных политических рокировок в ходе национальных революций в Грузии, Украине, Киргизстане и Эстонии. Напрашивается предположение, что «появление постсоветской политической Женщины» было не случайным а, напротив, являлось системообразующим элементом «разведения» конфликтующих корпоративных и властных групп

в борьбе за власть над собственной нацией. Наиболее успешно, на мой взгляд, применяет «гендерный маскарад» украинская олигарх Тимошенко Ю.В. И быть может, не совсем случайно. В минуты отчаяния, когда все постсоветские политехнологии уже не работали в ходе битвы за Украину между разными группами корпоративных (нефтянка, газ и др.) и субрегиональных (Россия-Украина) интересов, она читала западные феминистские работы⁸⁷.

Исходя из вышесказанного, я полагаю, что российские, украинские, белорусские и казахстанские русскоязычные гендерные исследовательницы/ли создали основательный теоретический задел, который может решить теоретическую проблему и политические дилеммы системного описания реформ в России. Без анализа систем отношений и ситуаций в граничащих с Россией странах это сделать невозможно. Полагаю, что системное описание предполагает использование данных как социологических, политических, так и экономических, культурологических исследований. Но без выхода к системным теориям неомарксистского типа эти описания не будут давать масштабного видения всех типов гендерного неравенства.

2.2. Идеологическая недифференцированность ГИ в России

И в этом российская ситуация отличается от ГИ в западной феминистской теории, где идеологические границы между разными теориями очерчены четко – либеральный, социалистический, марксистский, радикальный, постмодернистский и т.п. феминизмы. На мой взгляд, все 17 лет ЖИН в России продвигали сначала либеральную, а потом социал-демократическую политику⁸⁸ (позитивной дискриминации, поддерживающих действий, аффирмативных действий)⁸⁹. В то же самое время ГИ пытались обосновывать теорию квотирования, не раскрывая ее идеологической связи с неомарксизмом и европейским социал-демократизмом, не прибегая к теории социалистического и неомарксистского феминизма. Однако и политическая тактика, и теоретические подходы абсолютно не соответствуют политической реальности в России (и в первую очередь отсутствием воображаемого либерального⁹⁰ или социально-ответственного государства как объекта лоббистских усилий). ЖИН в России, кажется, выдали желаемое за действительное.

Я полагаю, что нет универсального рецепта, «как развивать ГИ» в отдельно взятой стране с максимизацией политических результатов, но уверена, что нам не подходит ни британский, ни скандинавский, ни американский или французский путь. Для меня очевидно, что каждая из перечисленных выше научных концепций, применяемых в России, имплицитно связана с разными политическими стратегиями общественных изменений⁹¹: первая является частью либерального активного действия по демократическим правилам и процеду-

рам; вторая выступает апологетом неоконсервативной адаптации женщин к изменившимся правилам игры; третья предполагает социалистический или социал-демократический протест и критическое отношение к неоконсервативным и либеральным реформам; четвертая выступает обоснованием скептической оценки возможностей системных изменений в России в принципе и оправдывает политический абсентизм гендерных исследователей; пятый тип исключает возможность каких-либо осмысленных политических изменений и, соответственно, действий, обосновывая политический эскапизм. К сожалению, пока в среде российских ГИ не ведутся дебаты об эпистемологических ограничениях каждой из этих концепций и следующих из них идеологических выводах⁹². Очевидно, это следующий этап развития феминистских и гендерных исследований как сегмента научного знания.

Я считаю, что российские гендерные исследования пока находятся в некотором социально-политическом «тумане», быть может, в «лабиринте», если не в «тупике». Хотя как известно, *самокритика есть условие дальнейшего развития*. Одно дело выступить с миссией гендерного равенства, другое – разработать достижимую стратегию.

2.3. О политической востребованности ГИ в России

В подтверждение к тезису о некоторой «пробуксовке» ГИ в России я предлагаю проверить гипотезу о политической востребованности гендерного знания. Кто использует ГИ в политических целях?

Большой массив гендерных данных, который был получен за последние 17 лет, лишь в незначительной степени политически и практически востребован женскими группами и иными политическими субъектами: востребованность была частичной и никак не связанной с задачами политической мобилизации электората.

А востребованы ли гендерные исследования государством? Гендерные эксперты высказались о социальной политике, политике здравоохранения, занятости и безработице, образовании, приватизации, пенсиях, федеральном и региональных бюджетах и пр.⁹³ на фоне процесса устранения государства из сферы обеспечения гарантий гендерного равенства. В результате востребованность была ограниченной и в очень редких случаях принимала форму государственного заказа. Как правило, данные исследований использовались отдельной женщиной-политиком, фемократкой (заинтересованным государственным чиновником) в их попытках «продвинуть» какой-либо гендерный проект. Так было с требованиями женских групп о гендерной интеграции всей государственной политики (с 1991 и по 1998), Законопроектом о равных правах и возможностях мужчин и женщин (1999-2007 гг.), Гендерной стратегией России

(2000-2003 гг.). Но все эти инициативы женщин-политиков и фемократок имели ограниченный успех – во всяком случае, нет подсчетов, сколько именно инициатив удалось продвинуть. Однако на мой взгляд, не так много. По большому счету, мы имеем дело с невозможностью политического продвижения ГИ государством: в точке входа предложения как будто принимаются, но внутри государственной структуры они не могут быть продвинуты.

Часть этих данных активно используется международными организациями и создана при их финансовой поддержке – ПРООН, МОТ и МОМ, ЮНИФЕМ, ЮНИСЕФ, Фонд по народонаселению ООН, Всемирный банк, а также профсоюзами. Но когда и эти организации пытаются предложить свои гендерные консультации для российского государства, они не достигают большого прогресса во влиянии на госполитику.

С чем связана фрагментарная востребованность ГИ? Мы знаем, что каждый политический субъект наделен некоторой системой ценностей и в ходе реализаций собственной политики нуждается в некотором знании. Поэтому и существуют некие идеологические характеристики ГИ, по которым те или иные данные (например, гендерной экспертизы) принимаются и используются государством. Используются фрагментарно и частично. С чем связана невозможность для государства *принять и использовать ГИ целиком*? В силу идеологических причин – ведь идеологически ГИ ориентировались на иное ценностное направление (гендерного равенства), чем госполитика (аттавизация гендерного неравенства). В результате ГИ лишь частично акцептировались гендерно-прогрессивной частью госаппарата или использовались в исключительно манипулятивных целях на уровне декларативных риторик. Потому что та часть госаппарата, которая позиционировала себя как гендерно-прогрессивная, на самом деле не была вовлечена в реальный политический процесс и находилась на его периферии.

В результате сейчас, в 2007 году, я пока не вижу заказчика на фундаментальное знание о гендерном равенстве. Я не вижу, чтобы российское государство было заинтересовано в детальном знании системных причин гендерного неравенства⁹⁴. Я также пока не вижу политических субъектов, которым бы такое знание было необходимо не в манипулятивных целях (или целях извлечения коммерческой прибыли). Поэтому пока большая часть научных разработок будет проходить в режиме подвижнического и волонтерского труда.

Рассмотрим подробнее природу отношения ГИ-государство на других примерах. При том, что, как указывалось выше, государство в целом не интересуется данными ГИ для разработки политики гендерного равенства, налицо активный интерес государства к ГИ как источнику для политических манипуляций. Я уже писала о рынке политтехнологий (по скромным расчетам 2000 года этот рынок оценивался в 2 млрд. долларов) и старалась показать, как последовательно политтехнологи обращаются к гендерным манипуляциям на элек-

торальных полях и почему наши достижения так малы в сфере политического участия и политического представительства. При этом все это не значит, что политический режим не будет обращаться к женщинам и не будет нуждаться в поддержке женщин: этого не может позволить себе ни один современный режим, поддерживающей демократическую риторику. Как известно из опыта мировой политики, именно в авторитарных режимах и в ситуациях высокой степени неопределенности и риска появлялась «политическая женщина», а иногда и запускались политики гендерного квотирования в парламент. Симптоматично, что например в России, начиная с сентября 2006 г., в СМИ было запущено обсуждение проекта «Валентина Великая» – о преемнике Президента в лице Валентины Матвиенко⁹⁵. Интересно отметить аргументы, которые выдвигались «за» ее кандидатуру: она более надежная переходная фигура, нежели все остальные кандидатуры мужчин; в ходе выборов за нее гарантированно проголосует большое число электората – 21%, а увеличить эту поддержку можно будет в том числе и за счет сложившегося гендерного разрыва (до 57% опрошенных в России готовы голосовать за женщину-Президента). При этом «в отличие от иных “возможных преемников” Валентина Матвиенко, пожалуй, *наименее субъектна* (курсив мой – Е.К.): она не задумываясь включится в президентскую кампанию 2008 года, если на то будет соответствующая команда»⁹⁶. Здесь стоит обратить внимание на огромный парадоксальный разрыв в России – между готовностью электората голосовать за женщину-кандидата на выборах (в том числе и в качестве Президента) и фактическими результатами выборов – в 1996-2003 гг.⁹⁷: Старовойтова Г.В. как кандидат в Президенты не была допущена к выборам в 1996 г.; Памфилова Э.А. набрала всего 1,02% голосов в 2000 г.; Хакамада И.М. добилась чуть большего успеха – 3,8% голосов в 2004 году.

Готовность власти в 2007 году использовать гендерные технологии манипуляции неслучайна, и партия «Единая Россия» оказалась готова к такой политехнологии в феврале 2006 г.: она взяла под свое крыло «Союз женщин России», было проведено переизбрание председателя (новым председателем избрана Лахова Е.Ф.) и объединение двух конкурирующих ранее существовавших структур – «Движения женщин России» и «Союза женщин России».

Все вышесказанное имеет отношение к тем ГИ, для которых государство существует. Другая часть гендерных исследователей вообще не предполагает политической субъектности государства⁹⁸; на мой взгляд, изначально выстроенная маргинальная политическая позиция данного типа знания по идеологическим причинам не может быть использована теми женскими группами, которые лоббируют государственную политику. Это знание, на мой взгляд, скорее ориентируется на иных социальных субъектов – небольшие группы граждан (преимущественно интеллектуалов и круги, связанные с творческими профессиями), которых не так много в нашей стране, но деятельность которых в

конечном счете сказывается на социально-политических процессах развития нации. Наличие или отсутствие актуального использования данных стратегий ГИ тем или иным политическим действующим субъектом, таким образом, не исключает их политического влияния в более долгосрочной перспективе гуманитарных и фундаментальных исследований. И возможно, что как раз здесь и должна возникать российская политическая и социальная теория ГИ.

3. Предварительные ответы

3.1. Гендерная политическая неудача как часть плана структурной перестройки

Довольно долгое время я часто попадала в состояние растерянности. Это были ситуации двух типов. Первая – когда я вынуждена была обсуждать гипотезы западных коллег (представительниц донорских организаций, исследователей, специалистов по проведению оценки проектов) о причинах «мобилизационной слабости» женского движения в России. Вторая – когда женщины-кандидаты высказывали их изумление в связи с тем, что в ходе выборов они не получили абсолютной поддержки от женского электората (почему-то ожидая в 60-70% эксклюзивной поддержки от женщин)⁹⁹. Когда это касалось федеральных или региональных выборов, то как политолог я понимала, что в практической политике не только женские группы, но и иные общественные инициативы не смогли ничего противопоставить административному ресурсу региональных и федеральных властей. Поначалу мне казалось, что ЖИИ что-то не дорабатывают. Потом летом 2003 года в ходе одной дискуссии с очень опытными практиками-лидерами общественных и женских инициатив в Поволжском федеральном округе¹⁰⁰ я усомнилась в слабости ЖИИ. После всех прошедших лет работы со всеми ветвями власти и на всех уровнях ЖИИ не смогли продвинуть нужные федеральные проекты по какой-то структурной причине. Дело не в том, что ЖИИ не лоббировали власть – по качеству лоббирования (быть может, не по мощи общественного напора) и законопроектной технике ЖИИ не уступали большинству общественных инициатив. Тогда я решила изменить свою гипотезу и сформулировала «новое» объяснение политических неудач ЖИИ: направление политических процессов в России шло в иную, гендерно-консервативную сторону, нежели демократические требования ЖИИ. Айвазова С.Г. независимо сделала такой же вывод, применив иной метод сопоставления эгалитарных тенденций в семейных отношениях и властью правящей группы¹⁰¹.

Политологические характеристики генезису российского политического режима уже даны: идеолог гайдаровских реформ неолиберал В. Мау предложил пятичленную периодизацию российской революции¹⁰²; интеллектуальный лидер социалистического блока Б. Кагарлицкий диагностирует «реставрацию периферийного капитализма»¹⁰³; социолог О. Шкаратан, занимающий критическую позицию по отношению и к радикальным либералам, и к режиму Путина, дает макросоциологический диагноз: «в постсоветской России сохранился в преобразованном виде этакратизм, который приобрел форму государственно-монополистического корпоративистского (номенклатурно-бюрократического) квазикапитализма, а не демократического, социально ориентированного капитализма»¹⁰⁴. Таким образом, тот политический революционный квазипереход, который совершила Россия к построению государственно-монополистического корпоративистского (номенклатурно-бюрократического) квазикапитализма, и не предполагал изменения гендерного режима в сфере политики. Женщины-общественницы, представляющие женские инициативы, и не должны были войти в Парламент: логика представительства интересов была совсем иной и отбор делался по правилам, которые не включали женщин. Принципом селекции являются большие деньги, корпоративные финансы и представительство их интересов. Следовательно, дело не в «организационной слабости женского движения», а в политико-институциональных, системных причинах – характер отношений между гражданскими инициативами и властью таков, что не предполагает участия граждан в политическом процессе. Государственная политика формируется в глубокой изоляции от принципов равенства, включая гендерное: заверения министров об усилиях государства в социальной сфере в условиях отсутствия средств не выдерживают критики. Сейчас я понимаю, что мы сталкивались с интерпретацией риторик разных государственных и политических лиц, и нам не были доступны обстоятельные доклады о состоянии социальной политики. И если школа российских экономистов диагностирует социальную ситуацию (мониторинг ИСЭПН РАН и других исследовательских центров), то, к сожалению, политологи мало занимались генезисом смены социальной природы российского государства. Разработки Всемирного банка уже предлагали конкретные технические решения по минимизации бедности. Бедность подавалась как неизбежное и естественное следствие программы структурной перестройки. Основные политические призывы власти также были обращены к теме необходимости перераспределения в пользу бедных. Но причины, порождающие бедность, структурно не обсуждались. До сих пор в политологии не принято говорить о том, что в течение всех 17 лет приоритеты выставлялись как господдержка социального статуса правящей группы. Показатель социальной поляризации, фиксирующий различия в уровне доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных, для Москвы 2002-2006 гг. составляет 38-45 раз¹⁰⁵; в среднем по России доходы самых богатых превосходят уровень дохо-

дов самых бедных в 14,8 раз¹⁰⁶, что доказывает классовый характер социальной госполитики в России. Структурных причин столь вопиющего социального неравенства много. В исследовании О.И. Шкаратана¹⁰⁷ причины коренятся в неоконсервативном наборе и выборе принципов проведения государственной политики, среди которых – макроэкономическая политика, политика приватизации, промышленная политика в целом, социально-экономическая политика, налоговая политика в сфере доходов и уплаты налога на прибыль, перераспределительно-бюджетная политика между федеральным центром и регионами, определение приоритетов социальной сферы, политический процесс рекрутирования элиты, ценностные установки элиты и медийные политики в использовании риторики социальной защиты. Например, в 2007 г. принят Закон об автономных учреждениях, позволяющий приватизировать учреждения здравоохранения и образования – последний бастион социальных прав для граждан России. На этом фоне очередной фазы приватизации государственной собственности озвученные национальные проекты, финансирование которых в 2007 г. определено в 256,5 млрд. рублей (10 млрд. долл.)¹⁰⁸, выглядят как очередной отвлекающий PR-бюджет¹⁰⁹. Характерно, что по оценкам экспертов реальные средства, которые тратятся на подкуп и взятки чиновниками, превосходят совокупный бюджет нацпроектов (одни эксперты называют сумму в 20 млрд. долл.¹¹⁰, другие на порядок больше – в 300 млрд. долл.¹¹¹).

На институциональном уровне властью были использованы классические символические гендерные «обманки» (симуляция – показная демонстрация символа при отсутствии значения). Например, долгое время пост Министра социальной защиты был закреплен Кремлем за женщинами; женщины (Безлепкина Л.Ф., Памфилова Э.А., Карелова Г.Н., Дмитриева О.Г.), как правило, возглавляли министерство труда, социального развития и здравоохранения в тот момент, когда социальная политика попадала в ситуацию статус-кво¹¹²; известно, что Матвиенко В.И. получила свою должность заместителя Председателя Правительства по причине отказа С. Рыжкова занять эту должность¹¹³. Когда же начинались либеральные или неоконсервативные реформы и ставилась задача по минимизации социального бюджета, то эти министерства возглавляли мужчины – члены команды, ведущей политическую игру (Меликьян Г.Г., Сысуев О.Н., Починков А.П., Зурабов М.Ю.).

Каковы были гендерные технологии управления электоратом? Поворот к восстановлению рецентрализации власти в России с 2004 г. осуществляется манипулятивными методами и легитимируется женским электоратом¹¹⁴. Отношение партий к женскому движению было долгое время нейтральным или негативным, но потом они стали «тянуться» за поддержкой к женщинам. В 2005 году этот интерес со стороны партий стал настойчивым – наступил момент востребованности ЖД. Запрос при этом пришел как от 1) оппозиционного демократического блока (ЯБЛОКО, СПС и т.д.), так и из 2) блока правящих

партий¹¹⁵. Ряд партий создали к этому моменту гендерные комиссии, женские секции и их ассоциацию «Женщины в политике»¹¹⁶. На августовской встрече ассоциации «Женщины в политике» в числе обсуждавшихся пунктов повестки дня был вопрос «о работе с женскими организациями»¹¹⁷. Энтузиазм женских групп в связи с этим напомнил мне мой собственный демократический энтузиазм 1992-1993 гг. Однако вновь созданные женские группы в политических партиях не сделали выводов из нашего опыта 1992-1993 гг. В результате я вижу, что женские независимые инициативы недостаточно ориентируются в ведущейся политической игре, в которую их втягивают, не имеют политической оптики, адекватной нынешнему политическому ландшафту. Поэтому женские группы не могут выстроить четкое политическое позиционирование и обрести политическую субъектность. А это обрекает их инициативы на неопределенность, растрачивание человеческих ресурсов в многочисленных симулятивных политических проектах. О какой субъектности тут можно говорить?

Если принять во внимание все вышеприведенные типы анализов и диагнозов манипуляций, то наступает умиротворение: всему находится свое объяснение. Становится понятно, что не случайно власть блокировала или игнорировала большую часть социал-демократических инициатив и почти все инициативы женских групп. Таким образом, произошел прогресс в самооценке: раньше мы были уверены, что наши предложения будут приняты, и возмущались, если этого не происходило. Но если раньше политическая сфера пребывала в зоне бифуркации¹¹⁸, где возможно, что «полет одной бабочки может привести к буре в пустыне»¹¹⁹, то сейчас – в зоне между неолиберализмом и постсоветским авторитаризмом – принцип бифуркации (прыжок/прорыв в сферу гендерного равенства) не действует. Смещение в любую сторону порождает консервативные гендерные последствия, хотя, быть может, дестабилизация – тоже полезное политическое упражнение.

Демократические аллюзии и иллюзии ЖИИ, наивная вера в демократические правила и *справедливую природу государства* не могли не сказаться на политической продуктивности амбициозных женских инициатив в их попытках оказать влияние на политический процесс – системные сдвиги в управлении государством¹²⁰.

Очень возможно, что стратегическим залогом движенческого успеха и является одновременное действие 1) интеграции и 2) противостояния текущим политическим процессам, каковое мы и наблюдаем в российских женских инициативах. Каждый проигрыш можно осмыслить и рационализировать в новом политическом феминистском знании (каковым и является данный текст). То есть нужен *осмысленный* опыт, неосмысленный опыт исторически бесполезен, масштаб задач преодоления гендерного неравенства обязывает ЖИИ к исторически осмысленному действию. Я лично уже несколько лет поддерживаю тактику дифференцированного рекрутирования, о которой пишет Юкина И. в

работах, посвященных политической работе русских «равноправок» с депутатами 1-ой Думы в 1914 г.¹²¹ Полицентричность тактик, слияние нескольких тактик и их неразличение – это разные стратегии, где неразличение вряд ли политически продуктивно.

Отсюда вопрос: а что мы, собственно, делали и какие именно тактические политические задачи пытались решить?

3.2. *Cost-effective* анализ социальных инициатив, или сколько может стоить стратегия гендерного равенства?

Не превосходили ли наши желания и цели наши коллективные возможности? И можно ли при финансовых вкладах в 0,25% от всех средств на поддержку реформ в России совершить системное изменение в виде гендерной интеграции?

При ответе на этот вопрос посмотрим, как наша коллективная деятельность выглядит в цифрах. Как оценивается общественный труд, который мы вложили в развитие российского общества, и труд других людей – например, из третьего сектора – в терминах цифр?

Что касается «третьего сектора» в России, то в среднем ежегодный объем финансовых средств, поступавших в его распоряжение, был порядка 125-250 млрд. руб. (0,5-1 млрд. долл.). На 2006 год это составляло 0,5-1% ВВП¹²². Оценки размеров финансирования Западом женских групп и гендерных проектов за период 1991-2004 гг., сделанные Институтом социальной и гендерной политики¹²³, дают очень скромную цифру порядка 15 млн. долл. (в среднем где-то 1 млн. долл. в год). Кроме того, гендерно-ориентированное донорское сообщество значительно уменьшилось за последние годы: в 2004 году из 98 доноров только 10 доноров имели специальные женские/гендерные программы или проводили гендерный аудит.

Это удивительные цифры, в них хочется и не хочется верить. Я лично инициировала этот проект и руководила им и несу всю полную ответственность за эти данные. Однако парадокс этих цифр состоит в том, что даже если *удвоить* «бюджет для феминизма в России», доля средств на гендерную интеграцию в рамках программ структурной перестройки не будет выше десятых долей процента – 0,25%. На примере оценок гендерной интеграции в Фонде Сороса мы с Ольгой Савинской и Ларисой Федоровой доказали, что даже при 5% бюджетных вкладах процесс гендерной интеграции не может быть запущен с гарантией¹²⁴! Хотя дело тут, конечно, не только в финансах.

2007 – это год, когда Россия окончательно изменила схему своих отношений с Западом: он больше не учитель для России, а конкурент (степень опасности конкурента оценивается по шкале друг-враг). Еще в 2002 году Правитель-

ством России было принято решение не брать новых крупных кредитов от международных финансовых институтов (МФИ), Правительство отказалось и от политических и консультационных услуг МВФ, Всемирного банка и других агентств. Так была закончена программа структурной перестройки (*structural adjustment programs*), которая проводилась под жестким финансово-политическим контролем МФИ. В том же году Правительство РФ пересмотрело и политическую составляющую программ безвозмездной технической помощи (*technical assistance*), особенно программ, направленных на демократизацию и построение гражданского общества, свободу слова и СМИ, права человека. И, собственно, вот в этом процессе изменения межгосударственных отношений России с Западом большая часть доноров, которые объявили свои стратегии «выхода» еще в 1998 году, приняла решение о закрытии своих офисов в России¹²⁵. Аргументация западных доноров дипломатична и двусмысленна – «В связи с завершением проекта по демократизации».

Учитывая ситуационную неопределенность в развитии гражданского сектора и источников его финансирования¹²⁶, сокращение западной помощи на проведение демократических реформ в России¹²⁷, для «третьего сектора» возникают вопросы о смене методов мобилизационных действий. Но для ЖИИ этот вопрос значительно более острый в связи с тем, что объем финансирования западными донорами гендерных проектов сократился в 2006 г. по сравнению с 2003 г. раз в 10¹²⁸.

Какие могут быть варианты изменения тактик и технологий общественных инициатив по хотя бы сохранению (если не расширению) развития политик гендерного равенства? Переход к иным методам работы. С одной стороны, переход к менее затратным моделям мобилизации – например, временный отказ от конференционной деятельности и перенос движенческого общения в виртуальное пространство, привлечение волонтерского ресурса, а также работа с гендерно-слепыми российскими донорами (этот рынок стремительно растет, но мандаты этих фондов пока гендерно-нейтральны). С другой стороны, обращение к моделям профессионализации и коммерциализации, при которых деятельность НПО приносит доход (например, продажа коммерчески востребованных гендерных продуктов). Однако все это повлечет за собой резкое изменение программной деятельности и дискурсов и вынудит сменить, на мой взгляд, критическую политическую позицию на адаптивную и интегративную.

Насколько эти новые стратегии ЖИИ возможны для прежних женских лидеров 90-х при наличии идентификационных пределов и организационных ограничений? Но так уже было в истории женских инициатив. Возможно, нынешнее время – это пора разрыва преемственности, исторической паузы, осмысления пройденного.

Очевидно, что если мы попытаемся оценить, сколько же должна стоить стратегия гендерного равенства в России, мы ближе оценим возможности вне-

сения каких-либо изменений в существующий политический режим. Я решила сделать предварительный шаг и мысленно соединить демографические эффекты от проведения макроэкономической политики с бюджетной ценой покрытия демографических издержек. За 2006 год кто только не высказался критически о призыве «рожать больше – долг женщины» (из Послания Президента Путина от 10 мая 2006 г. о запуске в России национального мегапроекта «Демография»). Оценки необходимого финансирования расходятся на порядки: министр финансов А. Кудрин полагал, что на его осуществление потребуется 30-40 млрд. руб. ежегодно и базовый материнский капитал в размере 12-15 млрд. руб.; по подсчетам члена бюджетного комитета Госдумы О. Дмитриевой, потребуется дополнительно увеличивать бюджетные расходы на 115,5-118 млрд. руб.; одна из трех влиятельнейших бизнес-ассоциаций «Деловая Россия» предлагала потратить на демографические мероприятия до 2% ВВП – около 570 млрд. руб. (23 млрд. долл.)¹²⁹. Скорее всего, это и есть минимальная оценка того гендерного ущерба, который нанесла власть, недоплатив зарплат предыдущему поколению за родившихся или неродившихся детей. Но кому была нужна гендерная экспертиза при подготовке госпрограмм по демографии в 2006 г.? А в начале июня прошлого года последовала абортная волна как ответ российских беременных женщин на президентский призыв¹³⁰. Учитывая, что у нас 2/3 от числа беременностей заканчиваются абортom, власть должна быть обескуражена полученным результатом.

При этом вот уже 15 лет гендерные эксперты выступают по этому вопросу в роли пророчицы Кассандры: группа экспертов МЦГИ и политиков (Посадская А.И., Федулова А.В., Лахова Е.Ф.) предупреждали правительство Гайдара о социально-экономических и демографических последствиях «шоковой терапии» и неоконсервативных реформ¹³¹. Гайдар не был глух, его ответ был вполне рациональным: «Вы нам предлагаете социал-демократический вариант реформ, а мы согласовали с Всемирным банком и МВФ – неолиберальный». Это был социальный цинизм третьего Правительства РФ, которое было уверено, что, сэкономив в 1993 году на социальной политике, оно принесет в жертву часть своего населения и качество жизни большинства. Но социально-экономический подъем экономики при демографических диспропорциях на рынке труда и политическая дестабилизация вынудили одиннадцатое Правительство РФ уплатить упреждающий «демографический откат» под выборы 2007 г.

3.3. Политические тактики ЖИИ в России: достижения

Насколько масштабны были и чему были посвящены политические интервенции женских независимых инициатив, сети «Союза женщин России», движения «Женщины России»¹³² и др. за последние 15 лет?

Краткий перечень наших инициатив¹³³ включает весь спектр общественно-политического процесса, в ходе которого артикулировались и продвигались принципы гендерного равенства:

1) критика существующей дискриминации по признаку пола и новых реформ, способствующих появлению новых форм дискриминации по признаку пола, росту гендерного неравенства;

2) апелляция к исполнительной и законодательной власти о создании эффективного нацмеханизма по улучшению положения женщин (создать Министерство по делам женщин, отделы по гендерному равенству во всех министерствах; не уничтожать комитеты по делам женщин в законодательных органах власти; воссоздать Межведомственную комиссию по гендерному равенству на уровне Председателя Правительства или его заместителя, создать квалифицированные экспертные группы при всех органах власти – группы гендерной экспертизы и пр.);

3) лоббирование ряда решений власти (Указов, Постановлений, Нацпланов) и госпрограмм (например, «Дети России», программы по гендерному образованию на базе Ивановского госуниверситета при поддержке Минобразования РФ по Постановлению Министра от 2003 г.);

4) создание законов – конституционного принципа равных прав и равных возможностей (Завадская Л.Н., к.ю.н., представитель «Союза женщин России»), апелляция к законодательной ветви власти принять законодательство о правах (в 1998 г. была разработана и принята Концепция законотворческой деятельности – рук. Поленина С.В., д.ю.н., принят пакет поправок по предотвращению торговли женщинами – рук. Мизулина Е.Б., д.ю.н.), и др.;

5) поддержка депутатских инициатив и законопроектов (по вопросам насилия в семье, репродуктивных прав, гендерной цензуры в СМИ, трудовых правах работников с семейными обязанностями, семейного налогообложения; об алиментах; выплате пособий по беременности и родам в полном объеме), включая законопроект «О равных правах и равных возможностях мужчин и женщин»; лоббирование принципа гендерного нормирования (квотирования) в электоральное законодательство, законодательство о политических партиях; участие в Парламентских слушаниях и пр.;

6) вхождение в общественные и научно-консультативные советы по правам человека, правам женщин, гендерному равенству при законодательных и исполнительных органах власти федерального (например, Общественная па-

лата РФ; общественная Комиссия по правам человека при Администрации Президента РФ; Межведомственная комиссия по обеспечению равенства женщин и мужчин при Министерстве здравоохранения и социального развития РФ), регионального и местного уровней;

7) противодействие законодательным инициативам о легализации проституции, порноиндустрии, запрета на искусственное прерывание беременности, легализации многоженства, раздельного обучения мальчиков и девочек, включения религиозного образования в систему государственного школьного образования;

8) проведение независимой экспертизы действующего законодательства, внесение через ГД успешных поправок (к законам о пенсиях в 2000 г., ряда поправок к УК в 2002 г. по вопросам торговли людьми в 2004-2005, о семейном налогообложении в 2000-2004 гг.);

9) разработка технологии гендерной экспертизы применительно к большому числу областей и сфер государственной политики¹³⁴ (социальной, социально-экономической – занятость, миграция, социальная инфраструктура, включая разработки по детским садам); семейной политики (включая законодательство по налогам, об алиментах); бюджетной, налоговой; образовательной; электоральной, муниципальной, уголовной политики, исполнительного наказания и пр.;

10) почти безрезультатные попытки применить статьи Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении к женщине в случаях нарушения прав женщин при обращении к суд (политическое исключение 2007 года – дело Татьяны Баныкиной в марте 2007 г., по которому Конституционный Суд РФ принял решение в ее пользу, в защиту конституционного права на оплату отпуска по беременности и родам в большем объеме, нежели установленный Фондом социального страхования потолок в 12 тыс. рублей);

11) попытки воздействовать на федеральную власть через подготовку и представление альтернативных докладов в международные организации и ООН (пропаганда Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; Пекинской платформы действий), Всемирный банк (критика гендерно нейтральных программ структурной перестройки и займов), Совета Европы (ратификация Европейской социальной хартии) и др.;

12) фактически безрезультатное участие¹³⁵ в бесчисленном количестве избирательных кампаний на федеральном и региональном уровнях. Участие с переменным успехом в выборах муниципального уровня. Задействованная тактика – мобилизация социально неудовлетворенного и протестного электората;

13) работа по повышению гендерной чувствительности общественно-политических объединений, политических партий, избирательных объединений (влияние на программную и организационную деятельность);

14) эффективные результаты давления женских групп¹³⁶ на общественные организации в целях воспрепятствовать нарушению прав женщин (случай извинения тогдашнего Министра культуры РФ Швыдкого М.Е. за некорректное название «Шедевр может создать только мужчина» в еженедельной передаче «Культурная революция» на телеканале «Культура»); акция Петербургского центра гендерных проблем против использования в порнографических целях портретов известных женщин России, в частности, математика Софьи Ковалевской журналом «Плейбой», 1996 г.);

15) участие в митингах и демонстрациях периода перестройки 1991-1997 гг.;

16) участие в немногочисленных акциях протеста 1986-1998 гг. (профсоюзы текстильщиц, учителей, работников скорой помощи, матерей за выплату пособий на детей, солдатских матерей и родителей студентов против призыва в армию с отправкой в зону военных действий на Кавказ, против военных действий в Чечне);

17) активная работа со СМИ (печатные, теле-, радио -, Интернет);

18) развитие альтернативных движженческих информресурсов в виде газет, журналов, специализированных сетей, Интернет-сайтов и порталов (проведение совместных встреч и создание виртуального гендерного пространства в сети Интернет);

19) работа по развитию женских сетей на национальном и региональном, местном уровнях, а также отношений с сетями и группами из стран в постсоветском и постсоциалистическом пространствах, международными женскими инициативами и организациями по глобальной повестке дня (Пекинская платформа действий, Цели развития тысячелетия и др.);

20) разработка образовательных программ для повышения квалификации преподавателей вузов, издания учебных пособий и дополнительной литературы тиражом свыше 350 тыс. экземпляров¹³⁷;

21) просветительская и тренинговая деятельность среди женщин разных социальных и профессиональных групп – депутатов и кандидатов в депутаты, чиновников разных уровней; работа с СМИ; проекты в сфере культуры и творчества;

22) работа на местном уровне по оказанию услуг гражданам (информационная, консультационная, реабилитационная и пр.);

23) интеграция гендерного подхода в различные профессиональные среды (педагогов, ученых, деятелей культуры, деловые круги и пр.).

Как видно из перечня – это масштабная деятельность, хотя список включает в себя лишь ту часть, которая попадает в традиционный политический ракурс. Однако социальные технологии, использованные в ходе этой деятельности, направленной на гендерную трансформацию в той или иной общественной сфере, так и остаются неописанными и несобранными вместе.

3.4. Политические результаты ЖИИ

Политические результаты выглядят как вполне зримые, но ограниченные.

Во-первых, следует констатировать факт социально-правового существования самих женских инициатив. Я хорошо знакома с мнением о том, что женского движения в России нет, что «оно умерло» или «никогда и не существовало», что работа в женских организациях – просто форма эффективной занятости в период экономической депрессии. В 1998 году, собирая информацию для справочника «Женские неправительственные организации в России», я дала экспертную оценку существования в России как минимум 2 тыс. женских организаций¹³⁸. С тех пор, насколько мне известно, никакого нового общероссийского исследования не проводилось. Однако в докладе Общественной палаты (конец 2006 г.) приводятся данные о наличии 1,5 тыс. женских организаций¹³⁹. Если по сравнению с 1998 годом «третий сектор» удвоился¹⁴⁰, я допускаю, что число женских инициатив также могло увеличиться. Из 360 тыс.¹⁴¹ зарегистрированных некоммерческих и негосударственных организаций в 2006 г. по экспертным оценкам лишь 70 тыс.¹⁴² осуществляют реальную практическую деятельность. Даже если предположить, что сектор женских инициатив НКО не увеличивался последние 8 лет, мы получаем значительное снижение доли женских организаций в секторе – оно тогда составляет менее 0,5% всех зарегистрированных объединений и 2% от реально развивающегося «третьего сектора». Это парадоксально.

Женские инициативы укрепились в «третьем секторе». Авторитет лидеров ЖИИ повысился с 1993 г. года – частично в связи с резким увеличением доли женщин в секторе независимых НКО. Согласно данным моего экспертного опроса руководителей ресурсных центров НКО/НПО в 2004 г.¹⁴³ следовало, что в НКО именно женская занятость и волонтерская деятельность стали доминирующими и дошли до 75%. Это при том, что в 1993 г. данная пропорция была не более 40%. Собственно, как мы знаем, феминизация любого сектора занятости происходит с сокращением уровня оплаты в секторе и появлением новых секторов с более привлекательным компенсационным пакетом.

Во-вторых, за 17 лет была решена задача выйти на уровень «социально-политической видимости»¹⁴⁴. Число еженедельных акций, мероприятий, встреч, презентаций в России, попадающих в список еженедельной рассылки портала «Женская линия», составляет от 50 до 80 информповодов¹⁴⁵, что значит, что за год ЖИИ производят примерно 2500-4000 социальных акций, действий. По моим оценкам, за последние 10 лет это 25-40 тыс. социально видимых акций и действий. Часть из них представляет собой заданные централизованные или сетевые инициативы головных московских офисов, однако большая часть иницируется на местном и региональном уровне. Возможно, что ни одна партия в России не сможет сравниться с подобным человеческим и культурным капиталом!

Третий и четвертый результат можно описать посредством других индикаторов социальной активности – а) уровня политической активности женских групп и б) степени их известности у избирателей и граждан. По первому пункту (а) можно сослаться на данные двух выборочных исследований, согласно которым непосредственное участие в выборах женские организации принимали лишь в 10-20%¹⁴⁶ случаев. Однако это не означало, что мобилизационная политическая сила женского движения была очень незначительной. Напротив, те группы ЖИИ и группы, которые принимали участие в выборах, показывали очень хорошие данные по мобилизации электоральной поддержки¹⁴⁷. По второму пункту об известности ЖИИ (б) надежных и достоверных данных нет, и я могу сослаться только на два исследования. Согласно первому, только небольшая часть населения знала в 1997 г. и признавала важность женских групп¹⁴⁸, согласно второму (репрезентативный опрос «Левада Центра»), каждый десятый респондент поддерживает и одобряет деятельность женских организаций¹⁴⁹, а 10-ти процентный уровень известности женских организаций сравним с известностью творческих союзов.

Шесть самых банальных индикаторов изменения гендерных параметров российской политической системы¹⁵⁰ описаны довольно подробно на эмпирическом уровне¹⁵¹: политическое участие снизилось, политическая представленность женщин не меняется с 1993 г. и держится в законодательных органах власти между 7 и 10%, а в исполнительных органах власти на высших должностях – 0,5% женщин; в теориях «элитистов» женский пол представлен в нынешней элите в виде 1%¹⁵², то есть еще меньше, чем в советское время. Метафорически ситуацию можно назвать «два шага вперед, три – назад». В российском парламенте так и не сложилась женская межфракционная группа, что присуще законодательным органам других стран. На протяжении всех 18-ти лет развития парламентаризма лишь незначительная группа депутатов-женщин публично и открыто разделяли гендерную повестку дня¹⁵³. Только в 1993 г. в ходе подготовки в Пекинской конференции ООН под влиянием ГИ и ЖИИ фемократки смогли изменить официальный правительственный дискурс – в преддверии международного женского дня был опубликован Указ Президента Ельцина Б.Н. об улучшении положения женщин. Однако Посадская А.И. назвала этот результат кооптации государством феминисткой фразеологии как оформление «дискурса без действия»¹⁵⁴. Сегодня можно смело назвать госполитику в сфере гендерного равенства *дискурсом бездействия*.

Мое понимание и политический опыт¹⁵⁵ позволили еще весной 2004 года указать, что центр власти, в функцию которого входили политики гендерного равенства (Межведомственная комиссия по улучшению положения женщин), в системе российской государственности исчез не случайно. В течение длительного времени он существовал на периферии и вне сферы реального политического процесса, его существование оказывало лишь символическое влияние. Имен-

но поэтому все инициативы женских групп, политически сконцентрированные на фемократках, не приносили успеха. Однако упразднение этой комиссии в марте 2004 г. стало политическим свидетельством уже целевой консервации гендерного неравенства как ресурса «инновационного развития России».

3.5. Косвенное влияние ЖИИ и ГИ в России

С одной стороны, следует отметить, в то же время, ряд позитивных изменений в общественном мнении, на рынке массовой культуры и в потребительском поведении (например, покупке книг). С другой стороны, по всем опросам общественного мнения в последние выборы женский электорат преимущественно голосует за В.В. Путина и партию власти «Единство»¹⁵⁶ (причем в выборах 1993-1995 гг. женщины сначала отдавали свои голоса «демократам», а потом – коммунистическому блоку). Эти феномены зафиксированы, но не описаны должным образом. Я полагаю, что зафиксированный многими исследователями рост «гендерного разрыва» (*gender gap*) в России связан с формированием многокомпонентной социальной структуры российского общества, наличием в нем одновременно множества укладов. В то же время гендерный разрыв активно эксплуатируется политтехнологами 21-го века.

В чем он конкретно проявляется? Например, видоизменилось и расширилось меню «гендерного разрыва» – если раньше женщины голосовали на 7-20% больше, чем мужчины, против порнонасилия в СМИ, за право на аборт, против военных действий российских войск в Чечне и войск США в Ираке, и в 1,5 раза чаще за кандидатов-женщин в одномандатных округах, чем за кандидатов-мужчин, то в конце 2004 г. к этому списку добавились и большая склонность женщин проголосовать за женщину-кандидата в Президенты и за введение квот для женщин в избирательном законодательстве¹⁵⁷. Более того, моя вторичная обработка эмпирических данных социологических опросов позволяет мне сделать выводы о том, что в России на протяжении 15-ти лет шел довольно активный рост в сторону поддержки эмансипаторских настроений («протофеминистских») как у мужчин, так и у женщин (приблизительно с 56% в 1995 г. до 80% в 2005 г.). Группа с «патриархатной доминантой» сознания значительно сокращалась (с 27% – 1995 г. до 8% – 2005 г.). Причем сокращение группы с «патриархатной доминантой» произошло в 3 раза, а группа с «феминистской доминантой» увеличилась в 1,5 раза. Расширение последней происходило как за счет сокращения группы с «патриархатной доминантой», так и за счет сокращения группы «затруднившихся ответить». Как и следовало ожидать, в группе с «патриархатной доминантой» доля мужчин (11%) превосходит долю женщин (6%) почти в два раза (на 5%). А вот в группе с «феминистской доминантой» группа мужчин лишь на 4% меньше, чем женщин.

Другой парадоксальный результат относится к сфере СМИ: на смену оголтелому сексизму начала 90-х годов пришла идеологическая гендерная дифференциация дискурсов массовой культуры. Несмотря на то, что по индексу свободы слова Россия находится на 164 месте в мире, мне представляется, что гендерная цензура модифицируется: с осени 1995 года в СМИ появилась возможность последовательно продвигать феминистский дискурс¹⁵⁸, хотя и в очень ограниченном объеме. К 2007 году «издания для женщин» выделены аналитиками СМИ¹⁵⁹ в отдельный тип медийного производства: по статистическим показателям, «за пять лет между 1997 и 2002 гг. количество женских журналов увеличилось в три раза (62 газеты и 63 журнала), а тираж – в четыре раза (8,5 млн. экз. единоразовый тираж)». Примечательно, что данный «новый тип» печатных СМИ занимает первое место по тиражам среди других типов изданий (культурологических, общественно-политических, деловых, экологических, религиозных, молодежных, детских, спортивных). На фоне роста сегмента гендерно-позиционирующихся СМИ зафиксирована фрагментарная многомерность гендерных дискурсов, включая и феминистский. Рекламное поле также не является монолитно сексистским, хотя оно все еще фундаментально дискриминационно.

Нельзя забывать и о «полках магазинов» как важной еще с советских времен метафоре для оценки структуры повседневности. Простой метод осмотра книжного магазина незамедлительно дает подтверждение предположению о том, что нация переживает гендерный идентификационный крен, если не слом¹⁶⁰: в каждом из них образовался гендерный сегмент – где-то полка «феминизм/гендерные исследования»¹⁶¹, а где-то – специализированные 1-3 шкафа «женского романа», книги на «женскую тему» в разных тематических секциях, учитывающие различные архетипические и социальные идентификационные диверсификации потребностей читательниц¹⁶². Книжный рынок гендерно сегментирован уже десять лет¹⁶³: сентиментальный (женский) роман (4% книжного рынка РФ) является самой стабильной нишей¹⁶⁴ и одним из трех наиболее перспективных сегментов для издательских инвестиций¹⁶⁵ (его расчетная емкость на 2005 г. составляла 60 млн. долл.¹⁶⁶).

Зададим вопрос: в какой мере женское движение в России способствовало указанным тенденциям? Смогло ли оно «удержать» эмансипаторский дискурс и дождаться рыночных механизмов? А если этот дискурс «удержало» не оно, то откуда пришел этот феминистский дискурс (ведь до недавнего времени СМИ и книгоиздание были предельно сексистскими; и до сих пор гендерный маркетинг не преподается на программах МБА)? Возможно, именно российское женское движение опосредованно повлияло на увеличение эмансипаторских программ в СМИ и эмансипаторское сознание российских гражданок? Это лишь моя гипотеза, для ее подтверждения необходимы специальные исследования.

Праздник № 8?

Чтобы закончить обзор на позитивной (если и не оптимистичной ноте), хотелось бы высказать предположение, что у женских инициатив в России есть перспектива быть женским движением, а значит – есть политическое будущее. Если мы находимся в зоне с потерянной перспективой и на нас неожиданно сваливаются различные информационные, политические и социальные напасти, это значит, что мы не являемся самостоятельными субъектами социальных изменений. Тут, на мой взгляд, помогает выжить и самосохраниться постмодернистский принцип: знание неизбежно ситуативно¹⁶⁷. Но не исторически и не социально – потому что политически существует только субъект, обладающий стратегией.

Наиболее продуктивная стратегия должна включать дифференцированные тактики рекрутирования разных агентов и партнеров в соответствии с их реальными интересами. Я убеждена, что на данном этапе не следует все силы вкладывать в борьбу с авторитарно-олигархическим коррумпированным российским государством. Возможно, продолжение тактики расширения недискриминационного пространства – наиболее устойчивая цель.

Я считаю, что гендерные/феминистские¹⁶⁸ интервенции в сфере культуры уже принесли и способны принести больше эмансипации, нежели в сфере институциональных изменений госполитик – очевидно, в силу того, что государство носит довольно закрытый и крайне консервативный характер, а рыночные сегменты вынужденно апеллируют к реальным гендерным идентичностям потребителей. Надеюсь, что эта временная ситуация продлится не очень долго (не более 25-ти лет). Надеюсь, что за этапом манипуляции женскими голосами последует и этап ответственной социальной политики перераспределения, включая и гендерные принципы.

Вероятно, что не государство и не политические партии будут теми силами, которые являются для женских инициатив тактическими партнерами. Помимо общественных и творческих организаций есть еще и бизнес. И если в целом российский бизнес будет «очеловечиваться» посредством социальных корпоративных политик еще долгое время, то значительно более гендерно-чувствительным является малый женский бизнес. Он может быть самым подходящим союзником для политик женского равноправия: именно в сфере малого бизнеса женщины доминируют, хотя институционально эта сфера довольно слаба – она лишь в незначительной степени интересуется государством и поддерживается им (и правила российской коррупции и здесь никто не отменял).

Не случайно в 2007 году произошло невероятное – как было сказано выше, судебная система России сработала в деле защиты прав женщин-матерей (иск Татьяны Баныкиной против Фонда социального страхования)¹⁶⁹. Конечно, 2007 год – конъюнктурно политический год апелляции российской власти к мате-

рям. Удивительно иное – ее материнская идентичность, поддержанная не государством, а личностным правосознанием как личность женщины (при этом именно представительницы малого бизнеса) нашла виновного. Она должна была найти, кто опустошил ее семейный бюджет? И виновным является Фонд социального страхования – который не намерен был возратить средства по ФСС на работницу Баныкину Т.А.

Что должны уметь делать «стратеги ЖИИ»? Ольга Воронина считает, что «одна из главных задач... – это осознание тактических и стратегических задач»¹⁷⁰. Я полагаю, что также надо уметь делать краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные расчеты, прогнозы и оценки, учитывая существующие ограничения как политического, так и макроэкономического порядков. Кроме того, если Воронина О.А. считала в 2004 году, что «выработка собственных концепций – это дело будущего»¹⁷¹, то я полагаю, что оно уже наступило.

И тут – в отличие от Ворониной О.А., которая предлагает продолжать политику гендерной интеграции в государственную политику¹⁷² – я не считаю, что у нас в ближайшие 5 лет будут такие возможности. Однако в среднесрочном плане любое государство должно будет восстановить систему равенства-справедливости и перераспределения, что вряд ли возможно без обращения к ГИ и ЖИИ с их вниманием к вопросам социального и экономического неравенства.

Хотелось бы еще раз акцентировать мою политическую позицию. Я исхожу из принципа политической относительности и многовекторности – одновременно должны реализовываться *все* тактики позиций ЖИИ и теорий ГИ и быть задействованы *разные* субъекты политического действия: разные типы неравенств устраняются при разных условиях изменений. Краткосрочная эффективность женского движения резко повысится, если 1) его тактики будут иметь должную *теоретическую* концептуализацию, и если 2) гендерные исследования выполняют функцию критического переосмысления накопленного коллективного опыта женского движения последних 20-ти лет и произведут стратегические разработки, годные для макросоциальных изменений. Возможно, что это теоретическая самонадеянность.

Однако предыдущие сто лет теоретической работы феминисток оказали системное изменение на социальную западную теорию. Так, название одной из глав нашедшей в 1995 году книги Аронсона Р. «После марксизма»¹⁷³ состоит из провокационного утверждения «Феминизм разрушил марксизм». А автор неомарксистской теории миросистем Валлерстайн Э. утверждает, что феминистки уже бросили один из ключевых вызовов современной социальной теории, и именно под влиянием этого вызова будет происходить ее развитие¹⁷⁴.

¹ Выражаю мою глубочайшую признательность за комментарии и критическую оценку текста Наталье Абукикировой и Марине Регентовой, Вере и Марии Завьяло-

вым, Екатерине Шлык, Элеоноре Файзуллаевой, Михаилу Кириченко, Елене Александровне Баллаевой, Светлане Шакировой.

- ² Начало данному тексту было положено стратегическим семинаром ХЦГИ «Политическое воображаемое гендерных исследований в бывшем СССР: взгляды изнутри, снаружи и со стороны» (17 июня 2005 г., Москва, Московский офис Фонда Дж.Д. и К.Т. Макартуров). <http://www.gender.univer.kharkov.ua/seminar.shtml>. Текст был представлен в виде тезисов доклада и выступления на конференции МВШСЭН «Пути России» (2006 г.) на секции под рук. Е.Я. Ярской-Смирновой. Это авторский текст, у него изначально имеются субъективные ограничения – все видится исходя из моего личного, общественного и интеллектуального опыта.
- ³ Я намеренно оставляю вне внимания работы наших зарубежных коллег – западных исследовательниц.
- ⁴ Шакирова С.М. Женское движение Центральной Азии: «еще не» или «уже в прошлом»? Выступление на международной конференции «Современное женское движение: идеологии, практики и перспективы», Бишкек, 18-20 сентября 2006 г.
- ⁵ Кочкина Е.В. «Политические стратегии женского движения и гендерные исследования», *Сборник материалов конференции МЦГИ «Гендерные исследования»*, составитель Лунякова Л.Г. (Москва: МЦГИ, январь 1996), с. 61-64.
- ⁶ Начало 80-х годов – это момент, когда произошло научное самоопределение тех исследовательниц, которые позже запустили «гендерный проект» в России: это философы Воронина О.А. и Клименкова Т.А., экономисты Посадская А.И. и Римашевская Н.М., историки Айвазова С.Г. и Константинова В.Н. К концу 90-х годов эта тема косвенным или прямым образом была раскрыта в авторских монографиях и программных статьях этих исследовательниц, уже защитивших диссертации: Посадская А.И. – к.э.н.; Айвазова С.Г. – д.п.н.; Воронина О.А. – д.ф.н.; Здравомыслова Е.А. – к.с.н., А.А. Темкина – PhD, Мельникова Т.А. – д.п.н.
- ⁷ Тартаковская И.Н. «Состояние гендерного образования в странах постсоветского пространства», *Гендерное образование. Региональный обзор состояния реформ высшей школы и гендерного образования в восьми странах СНГ* (М.: ЖСП ИОО – ИСПП, 2006), с. 5-27.; *Гендерные исследования в странах СНГ*, под ред. Тартаковской И.Н. (М.: ЖСП ИОО – ИСПП, 2006).
- ⁸ Посадская А.И. *Женские исследования в России: перспективы феминистского видения. Материалы к семинару «Женские региональные инициативы: их политическая судьба после выборов»*, ред. сост. Федорова Л.Н. (Поселок Володарский, май 1994), с. 54-73, препринт. Перепечатка: Посадская А.И. «Женские исследования в России: перспективы нового видения», *Гендерные аспекты социальной трансформации*, под ред. Малышевой М.Г. (М.: ИСЭПН, 1996), с. 25-40. Posadskaya-Vanderbeck, A. «On the Threshold of the Classroom: Dilemmas for the Post-Soviet Russian

- Feminism», in *Transitions, Enviroments, Translations. Feminisms in International Politics*, in Scott J.W., Kaplan C., Keates D. (eds.) (New York-London: Routledge), p. 373-382.
- ⁹ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. «Институционализация гендерных исследований в России», *Гендерный калейдоскоп*, под. ред. Малышевой М.Г. (М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ, 2001), с. 33-51.
- ¹⁰ Айвазова С.Г. «Гендер и российский конфликт макро- и микроуровней власти», *Гендерные исследования*, 2004, № 10, с. 87-97.
- ¹¹ Воронина О.А. *Феминизм и гендерное равенство* (М.: УРПС, 2004), 320 с. Позволю упомянуть, что советские СМИ в конце 80-х годов 20 века присвоили Ольге Ворониной символ «идеолога советского феминизма». Цитируется по: Возилкин И.В. *Жизненные сценарии женщин и сексуальность* (Свердловск: Издательство Урал. Ун-та, 1991), с. 155.
- ¹² Жеребкина И. А. *Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует* (СПб.: Алетейя, 2003); Жеребкина И.А. «Прочти мое желание...»: *постмодернизм, психоанализ, феминизм* (М.: Идея-пресс, 2000).
- ¹³ Гапова Е.И. «О гендере, нации и классе в посткоммунизме», *Гендерные исследования*, 2005, № 13.
- ¹⁴ Sourcebook. «Methodological Approaches to the Comparative Study of Gender and Policy Debates». Stetson, D.M., Mazur, A. *Research Network on Gender, Politics and the State*. APSA Annual Convention (San Francisco, 28 August, 1996), <http://www.RNGS.org>.
- ¹⁵ Stetson, D., Mazur, A., «To comparative Study of Women's Movements: conceptual Puzzles & RGNS Solutions». Paper prepared for APSA (September, 2005).
- ¹⁶ Брайсон В. *Политическая теория феминизма* (М.: Идея-пресс, 2001).
- ¹⁷ Jaggar, A. *Feminist Politics and Human Nature* (Rowman & Littlefileld Publishers, inc. 1988), 400 p. Алиссон Джаггар возглавляет феминистскую секцию в Американской философской ассоциации.
- ¹⁸ Параллельно существовавший в начале 90-х «женский проект» в трех государственных вузах – недрах Российской академии государственной службы (РАГС, рук. Силласте Г.Г., д.с.н.), Ивановского госуниверситета (рук. Хасбулатова О.А., д.и.н.) и МГСУ (рук. Шинелева Л.Т., д.ф.н.) – политически произвел «феминологию» как специализацию в учебной дисциплине «социальная работа».
- ¹⁹ См.: Посадская А.И. «Введение», *Женщины и социальная политика: гендерный аспект* (М., 1991).; Braginski-Debold, A. «Impact of economic and political reform on

the status of women in Eastern Europe». Paper prepared for the conference «Perspectives for Women policy», Berlin, June, 1992.

- ²⁰ Отчеты Центра гендерных исследований ИСЭПН РАН, 1990-1992.
- ²¹ Поленина С.В. «Женщина и государство: правовой аспект», *Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен*. Материалы международной конференции, 1993 г. (М., 1994), с. 4-50.
- ²² «Вестники ЦГИ», март 1991 г.; Воронина О.А., Лунякова Л.Г. «Московскому центру гендерных исследований 10 лет», *Народонаселение*, 2000, № 3, с. 135-144.
- ²³ Хоткина З.А. «Гендерным исследованиям в России – десять лет», *Общественные науки и современность*, 2000, № 4, с. 21-26.
- ²⁴ У каждой группы и Центра были свои харизматические лидеры, своя интеллектуальная и дисциплинарная история – согласно ранее защищенным в ВАКе диссертациям и личным пристрастиям. Соответственно, в каждой группе сформировался уникальный коллективный «гендерный проект» описания, диагностирования и реформирования российского пространства. Ранее всех возникший МЦГИ включал в себя и либеральную, и социал-демократическую и постмодернистские интерпретации, но в целом занимал конструктивно-реформистскую позицию, которая с годами преобразовалась в сдержанную последовательную критику; ХЦГИ, Гендерная программа Европейского университета в СПб., на мой взгляд, занимали большую дистанцию по отношению к сфере политического и по-разному проводили фундаментальную критику переходного периода. Эта критика была в значительно меньшей степени известна в российских кругах ЖИн. Официально оценку о соблюдении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации женщин в России давал Институт государства и права (Поленина С.В., д.ю.н., Завадская Л.Н., к.ю.н.), наиболее тесно работавший с властью. Отдельные исследователи РАН в Институте сравнительной политологии (Айвазова С.Г., д.п.н.), в Ивановском университете (Хасбулатова О.А., д.и.н.), РАГС (Мельникова Т.Г., д.п.н., Силласте Г.Г., д.ф.н.) и группы бывших партийных лидеров (Швецова Л.Н., к.п.н.) успешно сочетали 1) критичность в отношении к конкретным инициативам фемократок, 2) интегративные тактики в отношении государства и 3) собственное рекрутирование в госструктуры. Частично к политическим вопросам вынуждены были обращаться историки, лингвисты, философы, антропологи: ЦГИ Тверского университета (рук. – Успенская В.И., к.и.н.), Центр женской истории в Институте всеобщей истории (Репина Л.П., д.и.н.), Институт этнографии и антропологии РАН (Котовская М.Г., к.и.н., Пушкарева Н.Л., д.и.н., Кон И.С., д.ф.н.). С середины 1990-х годов политическими дискурсами занялся Центр гендерной коммуникации и лингвистики в Российском лингвистическом университете (рук. Кирилина А.В., д.ф.н.), госполитикой в сфере женской занятости – Институт экономики РАН (проф. Ржаницына Л.С., д.э.н.), семейной госполитикой – Институт социологии (Гурко Т.А., к.с.н., Мещеркина Е., к.с.н., Савинская О.Б., к.с.н., Исупова О., к.с.н.), фундаментальным рассмотрени-

ем гендера в разных дисциплинах – группа преподавателей РГГУ (рук. Зверева Г.И., д.и.н.). В декабре 2006 года в РГГУ был создан Центр гендерных исследований под политическим руководством вице-премьера Москвы Швецовой Л.И., к.п.н., и научным руководством Котовской М.Г., к.и.н.), группа преподавателей в МГУ (факультет журналистики – Ажгихина Н.И., к.ф.н.; экономический факультет – Калабихина И., к.э.н.; лаборатория гендерного образования педагогического факультета – рук. Костикова И.В., к.ф.н.; философский факультет – Костикова А.В., к.ф.н.), в Петербургском госуниверситете (Ходырева Н., к.псих.н.; весной 2007 г. в университете была создана магистерская программа по гендерным исследованиям под руководством Тишкина Г.А., к.и.н.), в Санкт-Петербургском Педагогическом институте (Клещина И.С., д.псих.н.), группа исследователей в Екатеринбургском университете (Шабурова О.В., Брандт Г.А.), в Центре гендерных исследований Самарского университета (руководители – Попкова Л.Н., к.и.н., Тартаковская И.Н., к.с.н.), курс и группа Машковой Е.В. в Набережных Челнах, в ЦГИ Архангельского университета (Кудряшова Е.В., д.п.н., Кукаренко Н.Н.), Гендерная программа Европейского университета в Минске (Гапова Е.И., к.и.н.), гендерная группа в Белорусском госуниверситете (Чикалова И.Р., д.и.н.), ЦГИ Саратовского технического университета (рук. Ярская-Смирнова Е.Р., д.с.н., Романов П.В., д.ф.н.), Центрально-Азиатская сеть гендерных исследований (Шакирова С.М., к.ф.н.). Стремительное расширение интеллектуальных сетей, охвативших преподавателей из более чем 60-ти вузов России к концу 90-х годов, происходило благодаря программам Ивановского госуниверситета (проректор, профессор Хасбулатова О.А., д.и.н.) при институциональной поддержке Минобразования РФ в 1992-1996 гг. Все эти инициативы позволили Фонду Форда оказать в конце 90-х поддержку серии теоретических проектов для 3-х центров ГИ (Петербург, Самара, Тверь), а Женской сетевой программе Института «Открытое общество»-Россия (директор ЖСП ИОО в Нью-Йорке – Посадская А.И., к.э.н., директор программы в России – Кочкина Е.В., к.п.н., зам.директора – Федорова Л.Н., председатель Правления – Воронина О.А., д.ф.н., член Правления – Хасбулатова О.А., д.и.н.) в 2000 году специально объявить конкурс на развитие профессионального сообщества по ГИ и оказать поддержку более 50-ти проектам еще в 20-ти региональных вузах, что послужило расширению пространства теоретиков ГИ в России: в частности, способствовало оформлению ЦГИ в Рязанском пединституте (рук. Блохина Н.А., к.ф.н.), в Краснодарском университете (рук. – Ожигова Л.Н., д.псих.н.), ЦГИ во Владивостокском институте сервиса и бизнеса (рук. – Ерохина Л.Д., к.ф.н.), Нижегородском университете (Саралиева З.М., д.соц.н., Макарычев А.И., к.и.н. и др.). Уточненный список всех групп, институциональные и организационные проекты этих организаций см. подробнее: *Каталог ресурсов «Гендерное образование в России»*. Редакторы-состав. Кочкина Е.В., Федорова Л.Н., Пугачева М.Г. (М.: ИСПП, 2003), 118 с., <http://www.genderpolicy.ru/297>.

²⁵ Например, масштабные конференции Конгресса женщин Кольского полуострова (Мурманск), Союза Женщин Дона (Новочеркасск, Ростовская обл.) и I Независимого Женского Форума (г. Дубна, Московская обл.) прошли в изоляции друг от друга с разницей в несколько недель весной 1991 г.

- ²⁶ Моя позиция по этому вопросу изложена: Кочкина Е.В., Кириченко М.М. «Введение. Дестабилизация предписаний полу», *Гендерная реконструкция политических систем*. Сб. статей, под ред. Кочкиной Е.В., Степановой Н.М., Кириченко М.М. (М.: ИСПП – Алетейя, 2004), с. 26-29.
- ²⁷ *Ресурсы гендерного образования. Каталог*, ред.составители: Федорова Л.Н., Кочкина Е.В.; авторы-составители: Пугачева М.Г., Гришина Г.И., Бердникова Н.Ш., Барыбина Т.Б. (М.: ИСПП, октябрь 2003), препринт. Размещен в Интернете: <http://www.genderpolicy.ru/297>.
- ²⁸ *Гендерные исследования в России и СНГ. Кто есть кто. Справочник*, ред.-сост. Хоткина З.А. (М.: ЦДЖА, 2000).
- ²⁹ Первая защита по дисциплине «Право» прошла успешно в 2005 г. в Институте государство и право РАН, под рук. Полениной С.В., д.ю.н., заведующей сектором теории и социологии права.
- ³⁰ *База данных гендерных исследователей и преподавателей*. Составлена Н.Ш.Бердниковой по заказу Женской сетевой программы Института «Открытое общество»-Россия, 2003 г.
- ³¹ Политические дистанции, политическое позиционирование одного субъекта в отношении к другому задается, по моему мнению, по шкале напряженности взаимодействия двух субъектов – от антагонизма до слияния. Промежуточный тип – оппозиционные отношения. Эту шкалу можно преобразовать в двухмерное пространство позиционирования, если ввести вторую шкалу – степень активности действий субъектов. Политическое позиционирование – пространство предельно дифференцированное и включает в себя большое число типов политического позиционирования. Самыми известными типами общественных отношений двух политических субъектов я считаю следующие: террористические акции и репрессии; преследование и сопротивление; агрессивное отслеживание ошибок конкурента (сторожевая собака в пер. с англ. «watch dog») и «держание под контролем»; базовое критическое отношение с оппозиционными акциями протеста и превентивная манипуляция; конструктивная критика и разработка контрриторики; игнорирование с обеих сторон; нейтральное отношение с обеих сторон; прагматическая поддержка; программно-интегративные инициативы и лояльное отношение; партнерские отношения, обслуживание интересов другого субъекта и др.
- ³² Я делаю этот вывод как автор неопубликованной библиографии 5000 работ разных авторов за 1990-2000 гг. на эту тему – Кочкина Е.В. *Библиография работ по женским, гендерным исследованиям на русском языке 1990-2000 г.* (М.: ЖСП ИОО-Россия, 2001), 256 с., препринт; Из опубликованных работ наиболее известная – библиография 1000 эмпирических исследований (право, экономика, демография, политическое участие и представленность) в докладе «Гендерные проблемы в России: по национальным публикациям 1993-2000 гг. *Документ Всемирного банка*,

- апрель 2004 г. Московский офис Всемирного банка (М.: Издательство «Алекс», 2004), 240 с.
- ³³ Обзор: Кочкина Е.В. «Гендер – полезная категория?», 2001, 15 с., рукопись.
- ³⁴ Погорелова Ф., Соколов М. «Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: фрагментация петербургской социологии», *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2005, № 2, с. 76-92.
- ³⁵ Этот вывод сделан на основе следующих работ: Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. «Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России», *Общественные науки и современность*, 1999, № 6; Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. «Институционализация гендерных исследований в России», *Гендерный калейдоскоп*, под ред. Малышевой М.Г. (М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ, 2001), с. 33-51; Жеребкина И., Пушкарева Н., Кон И., Темкина А., Крипс Г. «Трансформируя академию: проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР», *Гендерные исследования*, 2000, № 5, с. 8-42
- ³⁶ Кочкина Е.В. Кириченко М.М. «Введение. Дестабилизация политических предписаний полу», *Гендерная реконструкция политических систем*, под ред. Степановой Н.М., Кочкиной Е.В. (М.: ИСГП-Алетейя), с. 9-15. Кочкина Е.В. «Итоги развития российских гендерных исследований в политологии», 2003, рукопись. Обзор относительно проблемного поля исследования государственных политик и сфер проявления гендерного равенства изложен детально в статье Кочкина Е.В. «Методы проведения гендерной экспертизы», *Гендерная экспертиза законодательной политики. Сборник статей*, под ред. Кочкиной Е.В., Машковой Е.В., т. 1 (М.: ИСГП, 2004), с. 89-91.
- ³⁷ Оценка сделана на массиве библиографий и библиографических обзоров: Раздел «Библиография», *Гендерные проблемы в России: по национальным публикациям 1993-2003 г. Доклад Всемирного банка* (М.: Издательство «Алекс», 2004), с. 170-240; Пушкарева Н.Л. *Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой: 1800-2000 гг. Материалы к библиографии* (М.: Ладомир, 2002), 523 с.; Кочкина Е.В. *Библиография работ по женским, гендерным исследованиям на русском языке 1990-2000 г.* (М.: ЖСП ИОО-Россия, 2001), 256 с., препринт; Тематическая библиография «Женщины России в науке», Елкина К.И., 1998 г.; Барчунова Т., Канн С. *Алфавитный тематический указатель для ГПНТБ СО РАН, 1999 г.*; Юдина И.Г. *Тематическая библиография «Феминизм и современность», 1999 г.* – цитируется по Кочкина Е.В., Утешева Н. «Информационная инфраструктурная деятельность. Гендерные информационный ресурс», *Женская сетевая программа Института «Открытое общество»: 5 лет в России*, ред.-сост. Кочкина Е.В., Шакурова Г.Р., Утешева Н.Т., Смирнова Е.С. (ИГП, 2003), с. 83-92, препринт; *Гендерные исследования в России и СНГ: Кто есть кто?*, сост. Хоткина З.А. (МЦГИ-АДЛ, 2000), 146 с.; базе данных исследователей и преподавателей ЖСП ИОО-Россия 2002 г. (составлено Бердниковой Н.Ш.);

Каталог ресурсов «Гендерное образование в России», редакторы-состав. Кочкина Е.В., Федорова Л.Н., Пугачева (М., ИСПП, 2003), 118 с., <http://www.genderpolicy.ru/297>.

- ³⁸ Здравомыслова Е. А., Темкина А.А. «Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России», *Общественные науки и современность*, 1999, № 6, – цитируется по публикации в сборнике *Женщина в обществе: Мифы и реалии*, ред.-сост. Круминг Л.С. (Информация – XXI век, 2001), с. 112; Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. «Институционализация гендерных исследований в России», *Гендерный калейдоскоп*, под. ред. Малышевой М.Г. (М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ, 2001), с. 33-51.
- ³⁹ *Социальные науки в постсоветской России*, под ред. Батыгиной Г.С., Козловой Л.А., Свицерски Э.М. Институт социологии РАН – Университет Фрибурга, Швейцария (М.: Академический проект, 2005).
- ⁴⁰ Эта ситуация объясняется тем, что данные два подхода оказались наиболее понятны и востребованы при построении образовательных курсов социологами Здравомысловой Е.А., Темкиной А.А. в Европейском университете (хотя они и читают общий курс по социальной теории в феминистской перспективе) и экономистом Мезенцевой Е.Б. для студентов Высшей школы экономики (фактически в рамках экономической социологии). Иные подходы, о которых знают студенты западных университетов – судя по переводному учебнику *Современные социологические теории*, под ред. Ритцера Дж. (СПб.: ПИТЕР, 2002) – нами пока не были интеллектуально и политически задействованы
- ⁴¹ *Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование*, т. 1, под ред. Барановой В.М. (Москва: ИОО-Россия – Нижний Новгород, 2001), с. 14.
- ⁴² Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. «Советский этакратический гендерный порядок», *Социальная история. Ежегодник. 2003 г. Женская и гендерная история*, под ред. Пушкаревой Н.Л. (М.: РОССПЭН, 2003), с. 436-463.
- ⁴³ Подробнее об объединительной парадигме в теоретической социологии см: Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. «Структурно-конструктивистский подход в гендерных исследованиях», *Социология гендерных отношений*, под ред. Саралиевой З.М., Учебное пособие (М.: РОССПЭН, 2004), с. 80-97; Ритцер Дж. Глава 11. «Интеграция действия и структуры», Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. 5-ое изд. (СПб.: Питер, 2000), с. 446-482.
- ⁴⁴ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. «Советский этакратический гендерный порядок», *Социальная история. Ежегодник. 2003 г. Женская и гендерная история*, под ред. Пушкаревой Н.Л. (М.: РОССПЭН, 2003).

- ⁴⁵ Мезенцева Е.Б. «Введение. Гендер в экономическом анализе», *Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза практики*, отв. редактор и составитель Е.Б. Мезенцева (М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – Русская панорама, 2002), с. 13-22; Мезенцева Е.Б. *Гендерный анализ в экономической социологии*. Монографический учебник. (В плане публикаций ГУ-ВШЭ на 2007 г.).
- ⁴⁶ См. Раздел «Библиография». Разделы 5-7, *Гендерные проблемы в России: по национальным публикациям 1993-2003 г. Доклад Всемирного банка*, с. 85-125, 170-240.
- ⁴⁷ Ржаницына Л.С. *Гендерный бюджет: первый опыт в России* (М.: Гелиос, 2002).
- ⁴⁸ *Феминизация бедности в России. Всемирный банк* (Весь мир, 2000); Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. «Социально-экономические факторы феминизации бедности в России», *Экономика и социальная политика: гендерное измерение*. Сб. научн. статей под ред. Малышевой М.М. (М.: МЦГИ – ИСЭПН РАН – издательство «Academia», 2002), с. 36-63.
- ⁴⁹ Баскакова М.Е. *Экономическая эффективность инвестиций в высшее образование: гендерный аспект* (М.: 2002).
- ⁵⁰ Римащевская Н.М. «Гендер и макроэкономика: теоретические аспекты», *Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза практики*, отв. редактор и составитель Е.Б. Мезенцева (М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – Русская панорама, 2002), с. 14-23.
- ⁵¹ Ржаницына Л.С. «Макроэкономические проблемы в ракурсе гендерного подхода: анализ российской практики», *Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза практики*, отв. редактор и составитель Е.Б. Мезенцева (М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – Русская панорама, 2002), с. 153.
- ⁵² Детальный разбор достижений ГИ в российской политологии см. Кочкина Е.В., Кириченко М. «Введение. Дестабилизация политических предписаний полу», *Гендерная реконструкция политических систем*, под ред. Кочкиной Е.В., Степановой Н.М., Кириченко М.М. (М.: ИСГП – Алетейя, 2003), с. 5-10.
- ⁵³ Исследования 90-х годов Кочкиной Е.В., Айвазовой С.Г., Попковой Л.Н.
- ⁵⁴ Жидкова Н.Г. *Формирование кандидатского корпуса Государственной Думы: гендерный аспект*. Диссертационное исследование выполнено в Европейском Университете (г. Санкт-Петербург), рук. Голосов Г., д.п.н., защита состоялась в ученом совете МГИМО (май 2005 г.).
- ⁵⁵ Зубаревич Н.В. «Региональные аспекты гендерного неравенства в начале нового века», *Гендер как инструмент познания и преобразования общества. Материалы международной юбилейной конференции «Гендерные исследования: люди и темы»*.

Москва, 4-5 апреля 2005 г., ред.-сост. Баллаева Е.А., Воронина О.А., Лунякова Л.Г. (М.: РОО МЦГИ – Солтэкс, 2006), с. 92-104.

- ⁵⁶ Айвазова С.Г., Кертман Г.Л. «Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг.», *Гендерная реконструкция политических систем*, под ред. Кочкиной Е.В., Степановой Н.М. (М.: Институт гендерной политики, Издательство «Алетейя», 2004); Айвазова С.Г., Кертман Г.Л. *Мы выбираем, нас выбирают* (М.: «Олита», 2004).
- ⁵⁷ Айвазова С.Г. «Гендер и российский конфликт макро и микро-уровней власти», *Гендерные исследования*, 2004, № 10, с. 88-92.
- ⁵⁸ Примечательно, что и в деле Баныкиной Т. Конституционный суд РФ не воспользовался Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Обсуждение техники обоснования решения Кочкиной Е. с членом КС 15 июня 2007 г.
- ⁵⁹ Кочкина Е.В. «Гендерная методология и операционализация понятий», *Гендерная экспертиза и законодательная политика*, под ред. Кочкиной Е.В., Машковой Е.В., т. 1 (М.: ИСГП, 2003), с. 62.
- ⁶⁰ *Отчет о выполнении требований Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин* (Американская ассоциация юристов, февраль 2006), 184 с.
- ⁶¹ *Гендерные проблемы в России: по национальным публикациям 1993-2003 г. Доклад Всемирного банка* (М.: «Алекс», с. 27-50).
- ⁶² Кочкина Е.В. «Гендерная методология и операционализация понятий», *Гендерная экспертиза и законодательная политика*, под ред. Кочкиной Е.В., Машковой Е.В., Изотовой Е.В., т. 1 (М.: ИСГП, 2003), с. 41-43.
- ⁶³ Баллаева Е.А. «Институционализация гендерного подхода в сфере здравоохранения», *Экономика и социальная политика: гендерное измерение*, под ред. Малышевой М.М. (М.: МЦГИ-ИСЭПН РАН-Академия, 2002), с. 152.
- ⁶⁴ Большая часть исследований И. Жеребкиной и сборники журнала *ГИ* №1-14; арт-проекты А. Альчук, Т. Антошиной, выставка «Искусство женского рода» в ГТГ, 2002 г.; документальные фильмы «Гендерный монтаж» сети ЖСП ИОО (2001-2006 гг.) и др.
- ⁶⁵ Брандт Г.А. «Комментарий. Круглый стол “*Doing Gender* на русском поле”», *Гендерные исследования*, 2005, № 13.

- ⁶⁶ Конечно, это как раз формулировка термина «гендер», которую дала Дж. Скотт. И я следую этой концептуализации – Кочкина Е.В. «Гендерная мифология и операционализация понятий», *Гендерная экспертиза и законодательная политика*, Сб. ст. в 2-х тт., т. 1, под ред. Кочкиной Е.В., Машковой Е.В. (М: ИСПП – ОО «Фемина» – «Аванти плюс», 2004), с. 35-44.
- ⁶⁷ Цветков А. *Антология современного анархизма и левого радикализма*, в 2-х тт., т. 1: Без государства. Анархисты (М.: Ультра.Культура, 2003), с. 11-13.
- ⁶⁸ Брайсон В. *Политическая теория феминизма* (М.: Идея-пресс, 2001).
- ⁶⁹ Брайсон В. «Современный марксистский и социалистический феминизм», Брайсон В. *Политические теории феминизма* (М.: Идея-Пресс, 2000), с. 240-268.
- ⁷⁰ Патриция Л.Л., Небрюгги-Брантли. Дж. «Феминистские социологические теории», Ритцер Дж. *Современные социологические теории* (СПб.: ПИТЕР, 2002), с. 357-415.
- ⁷¹ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. «Институционализация гендерных исследований в России», *Гендерный калейдоскоп*, под. ред. Малышевой М.Г. (М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ, 2001), с. 43.
- ⁷² См. перепечатку статьи в *CD-энциклопедия «Российские женщины в XX веке. Опыт эпохи»*, ред.-сост. Айвазова С.Г., Никитина Н.Н., Клименкова Т.А. (М.: ЖЕНСЕТ, 2000) и публикацию *CD-энциклопедии* на сайте: <http://www.a-z.ru/women/>.
- ⁷³ Тихонова Н.Е. «Ресурсный подход как новая социологическая парадигма в стратификационных исследованиях», *Социологические исследования*, 2006, № 9.
- ⁷⁴ По одному-двум предложениям в работах Посадской А.И. (1990-1993 гг.), Гейл Лapidус (1993 г.) и работах последних лет – Римашевской Н.М., Здравомысловой Е.А., Ржаницыной Л.С., Кочкиной Е.В.
- ⁷⁵ Журженко Т. *Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине* (Харьков: Фолио, 2001); Журженко Т. «Дискурс рынка и проблема гендера в экономике», *Общественные науки и современность*, 1999, № 5.
- ⁷⁶ К этому типу инициатива следует отнести, например, мою работу в *External Gender Consultation Group (EGCG 1998-2002 гг.)*; совместные проекты ИСПП и Мирбанка в 2003 г.; вынужденно замороженный в 2005 г. 2-х летний пилотный проект ИСПП по причине отказа от его продолжения Мирбанком «Госуправление в России: гендерная интеграция» (2002-2004 гг.) и др.
- ⁷⁷ Среди них: участие в форуме АТТАК ряда ЖИИ и ИЦНЖФ, 2000 г.; участие лидеров женских организаций в конференциях *Association Women in Development (AWID)*: Гвадалахара, Мексика 2002 г.; Бангкок, Таиланд, 2005 г.) и др.

- ⁷⁸ Летняя школа «Гендерные проблемы глобализации» ИСЭПН РАН при поддержке ЖСП ИОО-Россия в 2000 г. и сборник материалов под ред. Малышевой и Баллаевой Е. «Гендер и глобализация: теория и практика женского движения», 2003; Глобализация: стратегии женского движения на конференции *AWID*. Сборник статей под ред. Кочкиной Е., Проскуряковой Л. (М.: ИСПИ, 2003), принт.
- ⁷⁹ Малышева М. *Современный патриархат* (М.: Академия, 2001); *Народонаселение и глобализация*, под ред. Римашевской Н.М. (М., 2002).
- ⁸⁰ Машкова Е.В. «Гендер в теориях экономического роста», *Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза практики*, отв. редактор и составитель Е.Б. Мезенцева (М.: ИСЭПН РАН – МЦГИ – Русская панорама, 2002), с. 137-153. и др.
- ⁸¹ См. Бузгалин А.В. «Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи», *Глобализация сопротивления: борьба в мире*, под ред. С. Амин, Ф. Утар (М.: УРСС, 2004), с. 12-41, Charter, Sophi and Ruyckmans, Helen. «Женские движения за другую глобализацию», там же, с. 206-215.; Бернанд Чуигу и Альберт Касанда. «Женские организации /Африка к югу от Сахары», там же, с.128-130.
- ⁸² К сожалению, я только информирована о работе Н. Григорьевой, Т. Чубаровой, посвященной гендерным последствиям вступления в ВТО в сфере предоставления медицинских услуг.
- ⁸³ *Гендерные вопросы безопасности в Поволжском округе*, сб. статей под ред. Макарычева А. (2002).; материалы семинара «Гендерные вопросы безопасности» МЦГИ, 21 декабря 2004 г. Москва, Фонд Макаруров; Баллаева Е.А. «Гендерные аспекты безопасности», *Народонаселение*, 2006, № 1, с. 68-75.
- ⁸⁴ Тикнер Дж. Э. *Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны»* (Москва: Культурная революция, 2006).
- ⁸⁵ *Глобальные трансформации: политика, экономика, культура*, под ред. Д. Хельда, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, пер. с англ. (М.: Праксис, 2004), 576 с.; Валлерстайн И. *После либерализма*, пер. с англ. (М.: Едиториал УССР, 2003), 256 с.; Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире* (М.: Университетская книга, 2001), 416 с.; Кагарлицкий Б. *Восстание среднего класса* (М.: Ультра Культура, 2003), 320 с.; Кагарлицкий Б. *Управляемая демократия. Россия, которую нам навязали* (М.: Ультра Культура, 2005), 576 с.
- ⁸⁶ Шакирова С.М. «Женское движение Центральной Азии: “еще не” или “уже в прошлом”?», выступление на международной конференции «Современное женское движение: идеологии, практики и перспективы» Бишкек, 18-20 сентября 2006 г.
- ⁸⁷ См. Попов Дм., Мильштейн И. *Оранжевая принцесса. Загадка Юлии Тимошенко* (М.: Издательство Ольги Морозовой, 2006), с. 260-261.

- ⁸⁸ Кочкина Е.В. «К вопросу о выборах, политических партиях и законодательстве», *Гендерная реконструкция политических систем*, ред.-составители и научная редакция – Степанова Н.М., Кириченко М.М., Кочкина Е.В. (Москва: ИГП-Издательство «Алетейя», 2003); более поздняя версия анализа этапов и методологии лоббирования и законодательных инициатив в сфере электорального законодательства представлена в моем диссертационном исследовании 2004 г.
- ⁸⁹ Методологические различия государственных политик 10-ти типов изложены в работе: Кочкина Е.В. «Гендерная методология и операционализация понятий», *Гендерная экспертиза и законодательная политика*, под. ред. Кочкиной Е.В., Машковой Е.В., Изотовой Е.В., т. 1 (М.: ИСПП, 2003), с. 90.
- ⁹⁰ В этом утверждении я оспариваю тезис о наличии либеральных практик государства в России. См. Воронина О.А. *Феминизм и гендерное равенство* (Москва: УРСС), с. 278.
- ⁹¹ Jaggar, Allison. *Feminist Politics and Human Nature* (Rowman & Littlefield Publishers, inc. 1988), 400 p.
- ⁹² По аналогии с работой А. Джаггар «Человеческая природа и феминистская политика».
- ⁹³ См. *Феминизация бедности. Доклад Всемирного банка* (М.: Весь Мир, 2002); работы Прокофьевой Л., Овчаровой Л. о бедности; работы Ржаницыной Л.С. по гендерному анализу федерального бюджета России за период с 2001 г., работы Н. Григорьевой, Т. Чубаровой, Е. Баллаевой по вопросам реформы здравоохранения, работы Баскаковой М., Хоткиной З., Мезенцовой Е. о занятости, Тюрюкановой Е. о миграции, Ярской-Смирновой Е., Кулагиной Е. о социальной политике в отношении граждан с ограниченными возможностями и др.
- ⁹⁴ Для меня лично переломным моментом стало обсуждение *Стратегий гендерного равенства для Сибирского федерального округа* (июнь, 2003, Иркутск). В этом же году опубликовала ее озабоченную позицию о низкой критичности ЖИ в отношении потенциального партнерства с государством и достигнутых результатах Воронина О.А. *Феминизм и гендерное равенство...*, с. 275, 277-278.
- ⁹⁵ Интернет-источник: <http://www.newsru.com/russia/01sep2006/matvi.html>; Прозоров В. «Проект “Валентина Великая”? Политик-универсал в российской власти», *Политический класс. Ежемесячный журнал*, 2007, май, <http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=795>.
- ⁹⁶ Прозоров В., указ. соч.
- ⁹⁷ См. подробнее: Кочкина Е.В. «Российский электорат: обретение гендерных различий», *Гендерные стереотипы в современной России*, под ред. Назаровой И.Б. (М.:

ВШЭ-ГУ), в печати, лето 2007. Первоначальная версия текста размещена на <http://ecsocman.edu.ru/db/msg/278866/print.htm>.

- ⁹⁸ К этим проектам я отношу современные постмодернистские тексты.
- ⁹⁹ Эти сюжеты я рассмотрела ранее: Кочкина Е.В. «Российский электорат: обретение гендерных различий», *Гендерные стереотипы в современной России*, под ред. Назаровой И.Б. (М.: ВШЭ-ГУ), в печати, лето 2007. Первоначальная версия текста размещена на <http://ecsocman.edu.ru/db/msg/278866/print.htm>.
- ¹⁰⁰ Методологические обсуждения проходили на педсоветах летней школы по «Гендерной экспертизе» (г. Казань, август 2003 г.) с Машковой Е.В., Ржанициной Л.С., Баллаевой Е.А., Абукириковой Н.И., Регентовой М.А., Федоровой Л.Н.
- ¹⁰¹ Айвазова С.Г. «Гендер и российский конфликт макро- и микроуровней власти», *Гендерные исследования*, 2004, № 10, с. 96.
- ¹⁰² Мау В. «Перестройка сквозь призму двух десятилетий», *Россия в глобальной политике*, 2005 № 2, т. 3, с. 49.
- ¹⁰³ Б. Кагарлицкий. *Реставрация России* (М.: УРСС., 2000), с. 4-9. (Термин «периферийный капитализм» принадлежит Э. Валлерстайну. Им также пользуется Явлинский в книге *Периферийный капитализм* (М., 2003).
- ¹⁰⁴ Шкаратан О.И. «Россия как реальность. Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества», *Мир России*, 2004, № 1; Шкаратан О.И., Ильин В.И. *Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ* (Издательство: ГУ ВШЭ, 2006).
- ¹⁰⁵ «Данные Мосгорстата», Тофанюк Е. *Россиян разделяет пропасть. РБК Daily*, 30 мая, 2007.
- ¹⁰⁶ Медведев Р., указ. соч., с. 218.
- ¹⁰⁷ Шкаратан О.И., указ. соч.
- ¹⁰⁸ Заявление первого вице-премьера РФ Д. Медведева на «Правительственном часе» в Совете Федерации 13 марта, 2007 г. Сообщение ИТАР ТАСС.
- ¹⁰⁹ Сравните с ранее приведенными цифрами на промышленные инновации в сумме 150 млрд. долл. в год.
- ¹¹⁰ Памфилова Е. Выступление на семинаре «Антикоррупционная экспертиза нормативных актов: опыт, методика и перспективы», Центр стратегических разработок, 16.06.07.

- ¹¹¹ Из интервью Кабанова К., Председателя Национального антикоррупционного комитета, Морарь Н., *Новое время*, 2007, № 20, 25 июня 2007, с. 5.
- ¹¹² Исключение составляет О. Дмитриева, которая четыре месяца занимала должность Министра труда и социального развития (май-август 1998 г.) в шестом Правительстве России (Кириенко С., март-август 1998 г.). Интересны откровенные комментарии И. Хакамады о том, как производятся назначения женщин на должность Министра по социальной политике: Хакамада И. *Девичья фамилия* (Москва: Подкова, 1999), с. 181-182, http://www.newtimes.ru/magazine/issue_20/article_1.htm.
- ¹¹³ Кочкина Е.В. «Политическая система преимуществ для граждан мужского пола в России, 1917-2002 гг.», *Гендерная реконструкция политических систем*, ред.-сост. Степанова Н.М., Кочкина Е.В., Кириченко М.М. (М.: ИСПП – Издательство Алетейя), с. 489.
- ¹¹⁴ Я детально описала этот процесс в 2006 г., см.: Кочкина Е.В. «Российский электорат: демографический разрыв как политический ресурс гендерной сегментации», *Женщина в российском обществе*, 2006, № 3, с. 47-60.
- ¹¹⁵ Интересно, что за три года наш прогноз сбылся: Кочкина Е.В., Кириченко М.М. «Итоги выборов 2003 года: статистика разбивки по полу», *Конференция «Выборы 2003. Гендерный прогноз»*, *Информационно-образовательный портал Аудиториум. Ру.*, http://www.auditorium.ru/conf/conf_fulltext/election/kochkina.pdf.
- ¹¹⁶ См. материалы встреч ассоциации «Женщины в политике», май, июнь, июль, август 2005 г.
- ¹¹⁷ Меня задел тезис «подвязать женские организации» на контроль за выборами. Они обсуждали механизм, откуда взять достаточное количество наблюдателей на все участки. И почему-то решили, что женские организации этим могут заняться. Женские лидеры шли на выборы и очень хорошо накопили достаточный политресурс и мобилизационный, в общем числе кандидатов они проходили в одномандатных округах лучше, чем мужчины, в 1,5 раза, лучше брали протестный электорат и были лучшими контрагентами против коммунистов. Это заметили и власти и на выборах в 2003 г. некоторые губернаторы выставляли женщин в самых сложных и конфликтных округах. Поэтому вероятность того, что Кремль и партия власти и на следующих выборах в 2007-2008 гг. будут активно двигать женщин – велика, как никогда. Но каких «женщин»? В партии власти возможен кризис лояльных кандидатов. А оппозиция пытается перенять опыт американских политтехнологий по политической мобилизации молодых девушек. И это замечательно: неолибералы становятся локомотивами продвижения гендерного проекта!
- ¹¹⁸ Комментарий одного из политических «стратегов ЖД» в частной беседе, осень 2005 г.

- ¹¹⁹ Метафора Эллиен Шпреджер, бывшего директора голландского фонда «Мама кэш», семинар о фандрейзинге в ИСПП, 29 апреля 2005 г.
- ¹²⁰ Среди них, например, коллективные усилия последних лет, в которых и я принимала активное участие как руководитель ЖСП ИОО-Россия и ИСПП: 1) проект гендерной экспертизы российского законодательства, 2000-2002 гг.; 2) проект институционализации гендерного образования и внесение изменений с точки зрения включения гендерного компонента в новые образовательные государственные стандарты высшего образования, 1998-2001 гг.; 4) проект 2003-2004 гг. ИСПП по «Гендерной интеграции в административную реформу в России»; 5) законопроект 2003-2005 гг. о «Равных правах мужчин и женщин и равных возможностях их обеспечения» 2000-2007 гг.; попытки внедрения квот с 1995 г.; 6) попытка продвижения «Гендерной стратегии России», 2001-2004 гг.; 7) инициатива ЖСП ИОО–Нью-Йорк и Пекин+10, 2004 г.; 8) «Разработка и построение Национального механизма по улучшению положения женщин и гендерному равенству» ИСПП 2004-2007 гг., <http://www.genderpolicy.ru/242>.
- ¹²¹ См. Юкина И.И. «Женское движение в России, ценз пола и суфражизм», *Гендерная реконструкция политических систем*, под ред. Кочкиной Е.В., Степановой Н.М. (М.: ИСПП, 2004), с. 300-318; Юкина И.И. *Русский феминизм как вызов современности* (СПб.: Алетейя, 2007).
- ¹²² Доклад Общественной палаты РФ «О состоянии с гражданским обществом в России» (М.: 2006), с. 56.
- ¹²³ Кочкина Е.В., Савинская О.Б., Бердникова Н.Ш. *Аналитическая записка «Донорское сообщество в России: инновации и гендерные ресурсы» (по результатам оценки деятельности 98 доноров)*, ноябрь 2004 – апрель 2005, см. <http://www.genderpolicy.ru/241>.
- ¹²⁴ *Гендерная интеграция: пределы инноваций*, ред.-сост. Савинская О.Б., Кочкина Е.В. Федорова Л.Н. (М.: ИСПП, 2004), с. 189-271.
- ¹²⁵ Начиная в 1998 г. Московском офисе Фонда Сороса Женскую программу, мы знали, что делаем это при заявленной «стратегии выхода» (*exit strategy*) из России.
- ¹²⁶ См. три сценария развития «третьего сектора» в докладе *О состоянии гражданского общества в РФ*. Общественная палата РФ, 2006, с. 56-60.
- ¹²⁷ В докладе Общественной палаты РФ *О состоянии гражданского общества в РФ* (с. 57) пишется: «Российское гражданское общество потеряло от 100 млн. до 200 млн. долл. в год – до трети от объемов 2003 г.». Из этих данных можно предположить, что если средний ежегодный объем западной помощи был порядка 600 млн. долл. в год, то общий объем технической помощи за 10 лет был равен где-то 6 млрд. долл.

- ¹²⁸ Кочкина Е.В., Савинская О.Б., Бердникова Н.Ш. *Аналитическая записка «Донорское сообщество в России: инновации и гендерные ресурсы» (по результатам оценки деятельности 98 доноров)*, ноябрь 2004 – апрель 2005, см. <http://www.genderpolicy.ru/241>.
- ¹²⁹ «Новорожденные расходы», *Демографическая проблема стала экономической. Коммерсант Daily*, 12 мая 2006 г.
- ¹³⁰ Эта информация прошла по экспертной сети, работающей с социальным сиротством.
- ¹³¹ Кочкина Е.В. «Гендерный разворот Мирбанка», *Международный женский журнал «Диалог женщины: Вы и Мы»*, № 1, 1999 г. Перепечатка в *CD-энциклопедии «Российские женщины в XX веке. Опыт эпохи»*, редакторы-составители Айвазова С.Г., Никитина Н.Н., Клименкова Т.А. (М.: ЖЕНСЕТ, 2000). – размещено на сайте: <http://www.a-z.ru/women/>.
- ¹³² Не уточняю здесь за ненадобностью, какие именно группы я отношу к этой категории женских инициатив, так как полагаю, что это понятно для нашего круга. Если необходимо, см.: Абубикирова Н.И., Клименкова Т.А., Кочкина Е.В., Регентова М.А. «Женские организации в России сегодня (обзор)», *Женские неправительственные организации в России и СНГ. Справочник. 1998 г.* (М.: ЭСЛАН), с. 9-26. См. также указатели к справочнику, с. 312-365.
- ¹³³ Составлен на основе обобщения моего личного опыта участия и организации общественно-политических инициатив за последние 17 лет, данных публикаций вестей порталов <http://www.OWL.RU>, Консорциума Женских организаций, опыта рассмотрения более 1000 проектов ЖСП ИОО-Россия и ИСГП (1998-2004 гг.), ряда обобщающих статей: Абубикирова Н.И., Клименкова Т.А., Кочкина Е.В., Регентова М.А. «Женские организации в России сегодня», *Женские неправительственные организации России и СНГ. Справочник. 1998 г.* (М.: Женсет – Эслан), с. 9-26; Кочкина Е.В. «К вопросу о выборах, политических партиях и законодательстве», *Гендерная реконструкция политических систем*, ред.-составители и научная редакция – Степанова Н.М., Кириченко М.М., Кочкина Е.В. (М.: ИСГП-Издательство «Алетейя», 2003), с. 657-677., <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/kochkina1.htm>; Кочкина Е.В. *Становление гендерной экспертизы в России (1989-2003): генезис и результаты*, 50 стр. (Рукопись).
- ¹³⁴ *Гендерная экспертиза и законодательная политика*. Сборник статей, в 2-х тт., под ред. Кочкиной Е.В., Машковой Е.В. (М.: ИСГП, 2003).
- ¹³⁵ Исключение – выборы 1993 г. когда в ГД прошло «Движение женщин России», и выборы отдельных женщин-фемократок (Лахова Е.Ф. в 1995, 1999, 2003 гг.), выборы лидера Ассоциации гуманитарных инициатив (г. Мирный, Якутия) Белозеровой М.В. в парламент республики Якутия-Саха в 1998 г., выборы лидера Союза

- «Женщины Дона» Череватенко В.И. в городскую Думу г. Новочеркасска (Ростовская обл.) в 1998 г.).
- ¹³⁶ Ассоциация журналисток (рук. Н.И. Ажгихина, к.фил.н.), Союз Юристов (С.В. Поленина, д.н.), Самарский центр гендерных исследований (Л.Н. Попкова, к.и.н., И.Н. Тартаковская).
- ¹³⁷ Мои расчеты сделаны на основе суммирования издательских программ ключевых центров производства гендерной литературы, выпустивших 15-100 наименований книг каждый – МЦГИ, ХЦГИ, ЖСП ИОО-Россия, других ранее упомянутых региональных гендерных центров.
- ¹³⁸ Абубикирова Н.И., Клименкова Т.А., Кочкина Е.В., Регентова М.А. «Женские организации в России», *Справочник. Женские неправительственные организации в России и СНГ* (М., Женсет, 1998), с. 10.
- ¹³⁹ Доклад «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации». Общественная Палата РФ. 2006 г., с. 40. – В докладе не приводятся ссылки на источник информации. Поэтому оценить достоверность данной цифры не представляется возможным. Допускаю, что коллектив авторов пришел к такому заключению на основе данных Роскомстата.
- ¹⁴⁰ По данным АСИ на 1998 г. в России были зарегистрированы 150 тыс. НКО – цитируется по ист. Абубикирова Н.И., Клименкова Т.А., Кочкина Е.В., Регентова М.А. «Женские организации в России», *Справочник. Женские неправительственные организации в России и СНГ* (М.: Женсет, 1998), с. 10.
- ¹⁴¹ Доклад «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации». Общественная Палата РФ (М.: 2006), с. 5.
- ¹⁴² Доклад «О состоянии гражданского общества в РФ». Общественная палата РФ. 2006. Приложение, с. 21.
- ¹⁴³ Я задавала вопрос руководителям ресурсных центров НКО о доле женщин среди руководителей НКО в их регионе и проанализировала процентный состав по полу среди участников тренингов и семинаров по управлению организацией, сбору средств и пр. Всего мною было опрошено более 40 руководителей ресурсных НКО в пяти регионах – Москва, Новосибирск, Хабаровск, Южно-Сахалинск, Владивосток.
- ¹⁴⁴ *Материалы Второго Независимого Женского Форума* (Москва-Нидерланды, 2002).
- ¹⁴⁵ Сайт www.owl.ru. Мои оценки согласованы с редактором сайта Галиной Гришиной.

- ¹⁴⁶ Выборочные данные разнятся: Абубикирова Н.И., Клименкова Т.А., Кочкина Е.В., Регентова М.Е. «Женские организации в России сегодня», *Справочник. Женские неправительственные организации России и СНГ* (М.: Женсет, 1998), с.14.; Козина И. Развитие женских НКО в РФ: перспективы и потребности (М.: ИСПП, 2005), <http://www.genderpolicy.ru/244>.
- ¹⁴⁷ Хотя мобилизационный потенциал женских локальных групп превышает потенциал всех остальных общественных инициатив на местном уровне. См. Кочкина Е., Череватенко В. *К вопросу о социальной видимости региональных независимых женских инициатив*, рукопись, 1999, 15 с.
- ¹⁴⁸ Мелешкина Е.Ю. «Отношение жителей Самары к деятельности женских организаций», *Сборник «Социальная феминология»*, под ред. Попковой Л.Н., вып. 1 (Самара: Изд. Самарского университета), 1998, с. 94-103.
- ¹⁴⁹ Доклад «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации». Общественная палата РФ, 2006.
- ¹⁵⁰ При изменении демографического состава российского населения и увеличении пропорций женщин по сравнению с мужчинами среди избирателей, сопровождалось однозначным снижением всех показателей политического участия женщин: в избирательных кампаниях федерального уровня (женщин-кандидатов), представленность женщин на федеральном уровне (ГД и СФ), назначения женщин в высшие эшелоны исполнительной власти (Правительство, Администрация Президента). Однозначно негативные изменения сопровождалось и в конфигурации механизмов исполнительной и законодательной власти по гендерному равенству, приоритетности госпрограмм по гендерному равенству и уровня их финансирования, сокращению зон действия законодательства по гендерному равенству. Негативные тенденции наблюдались и на региональных и муниципальных выборах.
- ¹⁵¹ См. статьи Айвазовой С.Г., Кочкиной Е.В., Кудряшовой Е.В., Кукаренко Н.Н. в сборнике *Гендерная реконструкция политических систем*, под ред. Кочкиной Е.В., Степановой Н.М. (М.: ИСПП-Алетейя, 2004).; Айвазова С.Г. «Гендер и российский конфликт макро- и микроуровней власти», *Гендерные исследования*, 2004, № 10, с. 88-92.
- ¹⁵² Крыштановская О.В. *Анатомия российской элиты* (М.: Захаров, 2005), с. 48.
- ¹⁵³ См. статью Краац С. «Взгляды женщин-парламентариев России на «женский вопрос» (результаты опроса женщин-депутатов ВС РСФСР)», *Гендерная реконструкция политических систем*, под ред. Кочкиной Е.В., Степановой Н.М., Кириченко М.М. (М.: ИСПП, 2003), с. 466-476. Козырь Е. «Данные опроса депутатов Государственной Думы (весна 2004 г.)», представлены на семинаре «Женское лидерство в партнерстве». Март 2003 г., 36 с (рукопись).

- ¹⁵⁴ Posadskaya-Vanderbeck, A. «On the Threshold of the Classroom: Dilemmas for the Post-Soviet Russian Feminism», *Transitions, Environments, Translations. Feminisms in International Politics*, in Scott J.W., Kaplan C., Keates D. (eds.) (New York – London: Routledge), p. 379.
- ¹⁵⁵ Коллективная работа группы авторов «Проблемы формирования национального механизма гендерного равенства», ИСГП, весна 2004 года <http://www.genderpolicy.ru/242>. Аналитический доклад Мельниковой Т.А. об истории развития нацмеханизма гендерного равенства 1993-2004 гг. ИСГП. 2004 г. Май. Рукопись. 24 с. Мельникова Т.А. «Вопросы формирования национального механизма по гендерному равенству», *Гендер как инструмент познания и преобразования общества*, под ред. Баллаевой Е.А., Ворониной О.А., Луняковой Л.Г. (М.: МЦГИ – Согэкс), 2006, с. 32-37.
- ¹⁵⁶ См. уже цитированные статьи: Кочкина Е.В. «Женщины во властных структурах за рубежом», *Народонаселение*, 2004, №1, с. 57-63. Кочкина Е.В., Варданян Р.А. «Политическая демократия в России: гендерный разрыв», *Российское общество. Гендерное измерение: сб. науч. Статей* (Иваново: Изд-во ИВГУ, 2006), с. 202-223.; Кочкина Е. В. «Российский электорат: демографический разрыв как политический ресурс гендерной сегментации», *Женщина в российском обществе*, 2006, № 3, с. 47-60; Vardanian, R.A., Kochkina, E. V. «Elections: The Gender Gap», *Anthropology & Archeology of Eurasia*, vol. 45, no. 4, Spring 2007, p. 9-29.
- ¹⁵⁷ См. там же.
- ¹⁵⁸ Дата открытия страницы «Женщина» в *Независимой газете*, редактор – Ажгихина Н.И.
- ¹⁵⁹ *Типология периодической печати*, под ред. Шкондина М.В., Реснянской Л.Л. Учебное пособие по журналистике (М.: Аспект Пресс, 2007), с. 156-171.
- ¹⁶⁰ Жеребкина И. этот феномен описала в работе *Гендерные 90-е, или фаллоса не существует* (СПб.: «Алетейя», 2003), с. 20: «общее крушение не просто определенных советских идентичностей, но символического порядка как такового в постсоветской культуре- в соответствии с теорией Реального Лакана – оказывается для советского субъекта гораздо более травматическим...».
- ¹⁶¹ Книжные магазины в Москве – «Гнозис», «Гилея», «Историческая книга», «Фаланстер».
- ¹⁶² Магазин в Москве «Дом Книги» на Новом Арбате, секции – «Детективы», «Современная проза», «Зарубежная проза», «Здоровье», «Популярная психология».
- ¹⁶³ *Аналитический отчет маркетингового исследования. Анализ рынка книжной продукции России: обзор и структура книжного рынка России. Демоверсия*. (М.: Step by Step, 2006), <http://www.rbc.ru>.

- ¹⁶⁴ Там же. с. 14.
- ¹⁶⁵ Там же, с. 16
- ¹⁶⁶ Там же. с. 18.
- ¹⁶⁷ В освоении этой эпистемологической концепции на меня оказала окончательное влияние авторская позиция Ниры Юваль-Дэвис, изложенная ею со ссылкой на работы Донны Харауэй в сб. *Гендер и нация* (Рига: ЕЛРА, 2001), с. 6.
- ¹⁶⁸ Я понимаю гендерные/феминистские проекты как те социокультурные интервенции, которые нашли гендерно приемлемую форму для того, чтобы быть ценностью (вос)принятыми внешним политическим пространством.
- ¹⁶⁹ Часть материалов по этому делу Баныкиной Т. представлена на сайте ее общественной группы поддержки – самой социально-политически активной в настоящий момент сети женских региональных организаций «Женское лидерство в партнерстве», <http://www.womleader.ru/news/?action=news&id=68>.
- ¹⁷⁰ Воронина О. А. *Феминизм и гендерное равенство* (М.: УРСС, 2004), с. 278.
- ¹⁷¹ Воронина О.А., указ. соч. с. 276.
- ¹⁷² Воронина О.А., там же.
- ¹⁷³ Цитируется по: Дж. Ритцер, указ. соч., с. 212.
- ¹⁷⁴ Валлерстайн И. «Наследие социологии и будущее обществоведения. [Обращение Президента международной социологической ассоциации к делегатам 14-го Всемирного социологического конгресса. Монреаль, 26 июля 1998 г.]», *Конец знакомого мира. Социология XXI века* (М.: Логос, 2004), с. 313-320.